

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3975.20

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
THE UNIVERSITY

Complete

*Contains Index
1834-1872
21.15 v. 8.*

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1873.

ГОДЪ ХІ.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1873.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА“

за 1873 годъ.

	<i>Стр.</i>
О сущности выразительной способности глазъ, <i>Е. В. Ад- мюка</i>	3—34.
Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и централь- ной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія, <i>А. И. Смирнова</i>	35—112; 221—306; 407—343.
Неаполитацкіе государи въ XIV вѣкѣ. Разказы изъ итальян- ской исторіи. <i>Н. О.</i>	113—150; 189—220.
Братья (Adelphi). Комедія Публія Теренція; переводъ <i>М. П—скаго</i>	307—328; 345—406.
Петръ Великій, какъ воспитатель и учитель народа. <i>И. В. Соколовскаго</i>	545—633; 761—820.
О значенія права войны, въ связи съ общимъ понятіемъ о меж- дународныхъ отношеніяхъ; гл. I—II. <i>Н. П. Иванова</i>	634—710.
О вліяніи воды на развитіе стеблей и корней нѣкоторыхъ рас- телій, <i>Н. Ѳ. Левковскаго</i>	821—826.
Островъ Лесбосъ и лесбійскіе пѣвцы и поэты. <i>А. Д. Инозем- цева</i>	827—847; 1007—1032.
Венеція и Дубровникъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ 998 до 1358 года. <i>А. Небосклонова</i>	848—868; 951—990.
Къ патологіи поджелудочной железы въ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. <i>Л. Б. Мандельштама</i>	869—924.
Къ вопросу о вліяніи среды на форму растений. <i>Н. Ѳ. Ле- ваковскаго</i>	925—930.
Вексель въ его прошедшемъ и настоящемъ. <i>А. М. Осипова</i>	931—950.
Отчетъ о магнитныхъ изслѣдованіяхъ въ восточной Россіи за 1873 годъ. <i>И. Н. Смирнова</i>	991—1006.
<i>Критика</i> : Родственна-ли Меря съ Вогулами; по поводу соч. гг. Корсакова и Уварова; <i>П. Д. Шестакова</i> , 151—187.—Объ опре-	

дѣленіи элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ, соч. В. Виноградскаго; *М. А. Ковальскаго*, 329—339.—О радикалахъ въ органической химіи, соч. Г. Глинскаго; *А. М. Зайцева*, 340—343.—Сказанія князя Курбскаго, 3 изд.; *М. П—скаго*, 711—760.—Philosophie des Unbewussten, соч. Гартмана; *Ө Зеленогорскаго*, 1033—1063.

Приложеніе: Указатель статей, помѣщенныхъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» за 1834—1872 годы включительно; стр. I—XVI.

НЕАПОЛИТАНСКІЕ ГОСУДАРИ

ВЪ XIV ВѢКѢ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИИ.

I. (1)

Въ средневѣковой Италіи уживались самыя разнообразныя государственныя формы. Рядомъ съ типичными республиканскими общинами развились монархіи, построенныя на разнородныхъ началахъ: то римская, — изъ оригинальнаго сплетенія церковныхъ и политическихъ элементовъ; то миланская, созданная насиліемъ военныхъ деспотовъ; наконецъ, неаполитанская, выросшая по всѣмъ условіямъ феодальнаго государства. Югъ Италіи потому шель совершенно отдѣльными историческими судьбами. Королевство обѣихъ Сицилій живо долгое время жизнью довольно изолированною; оно оставалось чуждымъ тому юношескому стремленію, съ которымъ остальная часть полуострова вступала въ роскошный періодъ общинъ. Энергичные и умные нормандцы употребили это время на внутреннюю организацію своего королевства.

(1) Предметомъ этой статьи будутъ характеристики неаполитанскихъ анжуйцевъ, начиная отъ Роберта, открывающаго собою XIV вѣкъ, и кончая смертью Владислава. Для ясности разказа мы предпосылаемъ введене, которое должно опредѣлить мѣсто этихъ государей въ неаполитанской средне-вѣковой исторіи. Объ Іоаннѣ II, послѣдней представительницѣ анжуйской династіи, мы говорили въ особой монографіи; *Аттендоло Сфорца и королева Іоанна II* (Казань, 1866 г.). О двухъ первыхъ Караахъ мы замѣчаемъ здѣсь лишь въ общемъ очеркѣ; дѣятельность же Владислава, если не по времени, то по духу, принадлежитъ XIV вѣку. Очерки избранной эпохи мы основываемъ главнымъ образомъ на лѣтописяхъ, помѣщенныхъ у *Muratori*, какъ напр. *Giornali napoletani, dall'anno 1266 sino al 1478* (scrip-

Можно сказать, что въ этомъ отношеніи югъ Италіи достойно поддержалъ славу полуострова быть вождемъ средневѣковой цивилизаціи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Монархическій порядокъ мы здѣсь застаемъ достаточно окрѣпшимъ уже въ концѣ XII вѣка,—но, что важно, лѣтописи мало говорятъ про сопротивление ему или про рѣшительный протестъ. Напротивъ, суровые Рожеры и Вильгельмы видѣли знаменитости своего народа, какъ бы въ контрастъ свободнымъ соотечественникамъ, полюбившимъ формы монархіи. Династическія симпатіи южныхъ итальянцевъ вообще отличались консервативнымъ характеромъ; съ одинаковымъ энтузіазмомъ

tores rer. italt. t. XXI, p. 1029—1138); *Istoria napolitana* de Raimo, Franzoni e Lancellotti dell' 1197—1486 (XXIII, 219—240), и въ большомъ собраніи *Raccolta napolitana* (varie chroniche alla storia del Regno di Napoli, 5 vls. in 4, Nap. 1780—82), а также на мемуарахъ *Laurentii Bonincontri*, annales Miniatisensis ab 1360—1458 (Muratori XXI, 1—162) и *Leonardi Aretini*, rerum suo tempore in Italia gestarum commentarius ab 1378—1440 (id. XIX, 911—942) и иными болѣе специальными источниками, какъ, напр. для времени Владислава, біографіями важнѣйшихъ кондотьеровъ—*Leodrisius Cribellus* (de vita, rebusque gestis Sfortiae ab anno 1369 usque ad 1424, изд. Murat. XIX), *Campanus* (vita Bracchii Perusini, ibidem), а также замѣтками другихъ лѣтописей. Объ этомъ матеріалѣ мы говорили въ введеніи къ изслѣдованію о Сфорцѣ. Большое вниманіе обращено на старыя, очень уважительныя работы по неаполитанскій исторіи; изданія ихъ теперь сдѣлались рѣдкостями. Сюда принадлежатъ по порядку времени: *Pandolfo Collenuccio da Pesaro* (compendio dell'istoria del regno di Napoli. Ven. 1613), *Angelo di Costanzo* (hist. del regno di Napoli. Aquil. 1581), *G. A. Summonte* (hist. della città e regno di Napoli. N. 1675, 4 v., 3 ed.) и особенно *P. Giannone* (istoria civile del regno di Napoli, edizione accresciuta di note chritiche, riflessioni e moltissime correzioni, 4 v. 1766, Ven. 4 ed.). Очень полезны для насъ были миланецъ *Corio* (l'istoria di Milano, Pad. 1646), неаполитанецъ *Ammirato* (dell'istorie fiorentine libri 20, Fir. 1600) и мантуанецъ *Scipione Agnello Maffei* (Gli annali di Mantova, Tort. 1675). Изъ новыхъ неаполитанскихъ исторій имѣемъ нѣмецкія сочиненія: поверхностное *Herrmann's* (1829) и болѣе основательное *Seibert* (1862). Изъ общихъ итальянскихъ исторій мы пользовались: *Muratori* (Annali, 1753), *Denina* (Rivoluzioni, 1769), *Le Bret* (1778), *Bossi* (1819), *Sismondi* (1825), *Leo* (1829), *La-Farina* (1846), *Canti* (trad. par. Lacombe, 1860). Прочія, общія и спеціальныя сочиненія указываются въ своемъ мѣстѣ. Знакомые съ нашей задачей поймутъ, что намъ не встрѣчалось надобности пользоваться дипломатическимъ и юридическимъ сборникомъ который издается теперь для первыхъ анжуйцевъ.

вызывали они послѣдовательную привязанность къ нормандцамъ, гогенштауфенамъ, анжуйцамъ, аррагонцамъ и не мирились только съ зависимостью отъ чужаго престола. Много содѣйствовали тому и личныя достоинства представителей этихъ династій. Могучая, вмѣстѣ поэтическая натура гогенштауфеновъ видимо общала важную историческую роль Неаполю. Политическій расчетъ Барбароссы впрочемъ не совсѣмъ оправдался; бракъ его сына Генриха съ послѣднею нормандкою Констанціею сгубилъ знаменитый швабскій родъ, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ неаполитанское королевство главною ареною великой средневѣковой борьбы. Роскошная природа Сициліи привлекала гогенштауфеновъ а духовная сила Италіи побѣдила ихъ. Геніальнѣйшій между ними, императоръ Фридрихъ II (для неаполитанцевъ Фредерикъ-Рожеръ I) былъ покорнымъ рабомъ ея; онъ явно, безъ всякаго сожалѣнія, промѣнялъ имперію на свои итальянскія владѣнія; онъ предпочелъ свою родину интересамъ династіи. Болѣе чѣмъ ктонибудь, онъ могъ бы создать политическое бытіе цѣлой Италіи, но несчастія и неудачи какъ бы сроднились съ нимъ. Его дѣятельность, оскорбленная въ своихъ чистыхъ стремленіяхъ, должна была принять иное направленіе. Трудно встрѣтить болѣе симпатичную и вмѣстѣ болѣе трагичную историческую личность. Фридрихъ умеръ въ борьбѣ съ вѣкомъ и исторіею, почти потерявъ надежду на осуществленіе въ будущемъ своихъ идеаловъ. Сопровождаемый проклятіями тиары въ могилу, онъ увлекалъ съ собою весь свой родъ, на искорененіе котораго папы употребили самыя могучія средства. Гогенштауфены въ смертельной борьбѣ, въ крови Беневенто и Тальякоццо, лишились неаполитанскаго престола, переданнаго волею Рима французскому принцу, брату Людовика Святаго, Карлу д'Анжу (*).

(*) Вотъ какія условія были выговорены папою Урбаномъ IV и подтверждены послѣ буллою Климента IV, при передачѣ анжуйцамъ королевства обѣихъ Сицилій. Приводимъ главнѣйшія изъ 25 положеній этой буллы. Королевство передавалось подъ условіемъ вассальной покорности римскимъ иеросвященникамъ, въ знакъ чего короли обязуются дарить ежегодно папѣ бѣлаго иноходца. Карль и его наследники должны давать клятву вѣрности при вступленіи на престолъ и оказывать должное почтеніе святой церкви. Короли сицилійскіе никогда и ни подъ какимъ видомъ не вступаютъ на престолъ императорскій (эту тему папа развилъ особенно подробно). Династія

Династія, обладавшая неаполитанскимъ королевствомъ (но уже безъ острова Сицилія) во все продолженіе XIV вѣка, была анжуйская (1265—1442 г.). Она не породила изъ себя такихъ мировыхъ представителей, какъ Фридрихъ II; она уже не застала разгара папско-императорской борьбы. Правда, въ нѣкоторомъ смыслѣ ей самой пришлось продолжать дѣло гогенштауфеновъ и поддерживать оппозицію Риму; но эта вражда далеко лишена прежняго величія; она часто матеріальная, да и соперники были уже теперь среди жалкихъ условій. Въ нашемъ разсказѣ мы будемъ свидѣтелями враждебныхъ столкновеній неаполитанскаго королевскаго дома съ папами, но интересы тутъ исключительно мѣстные, итальянскіе. Четырнадцатый вѣкъ былъ въ Европѣ началомъ постепеннаго разложенія средневѣковыхъ формъ; монархическая идея готовилась облечься во вооружіе. Короли неаполитанскіе, подобно своимъ французскимъ родственникамъ, но только раньше послѣднихъ, стремились въ расширенію своей территоріи. Смыслѣйшіе изъ нихъ мечтали сдѣлаться властителями цѣлой Италіи. Такие короли, какъ Карлъ III и Владиславъ, могли смотрѣть на Римъ лишь исключительно съ территоріальной точки; для одного была столь же важна Венгрія, какъ для другаго Далмація или Миланъ. Даже Робертъ, прославляемый за свою святость, придерживался относительно Рима подобной политики. Неаполитанскіе анжуйцы старались всѣми силами задавить общинную, имъ современную жизнь и подвести ее подъ гладкія монархическія формы. Имъ, уже не чужимъ для Италіи, предстояло болѣе надежды на успѣхъ нежели императоромъ, шансы которыхъ съ каждымъ новымъ царствованіемъ умалались. Италія все для

анжуйская не должна увеличивать своихъ владѣній на счетъ сѣверной Италіи или какихъ-либо другихъ земель. Короли сицилійскіе обязывались платить Риму ежегодно 8000 унцій золота (на праздникъ Петра и Павла), да еще сверхъ того должны подарить теперь же, въ видѣ взноса на кафедральную церковь, 5000 серебряныхъ марокъ одновременно. Въ заключеніи, короли обязуются содержать въ папскихъ войскахъ на свой счетъ 300 хорошо вооруженныхъ ратниковъ (см. *Summarium* изъ буллы, сдѣланной аббатомъ Цандаріно, у *Summonte*, *Storia di Napoli*, II; 177—179). Интересно, что объ исполненіи этихъ условій, такъ долго обсуждаемыхъ, послѣ никто и не думалъ.

нихъ еще обѣтованная земля, но болѣе и болѣе недоступная. Потому въ борьбѣ Гвельфовъ и Гибелиновъ короли неаполитанскіе очень удобно расположились на сторонѣ народной партіи. Хотя всѣ ихъ усилія не привели прочныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе XIV вѣкъ на полуостровѣ былъ свидѣтелемъ многихъ политическихъ переворотовъ. Положеніе анжуйцевъ,—то какъ противниковъ папъ, то какъ ихъ защитниковъ противъ императоровъ,—вмѣстѣ съ психологически разнообразными и всегда достойными вниманія ихъ характеристиками, дѣлаетъ эту эпоху часто весьма замѣчательною. Правда, не всѣ анжуйцы выдавались такою политическою дѣятельностью; Карлъ II и обѣ Іоанны оставались ей чуждыми; но подвижная жизнь этихъ двухъ королей возбуждаетъ живой интересъ сама по себѣ; обѣ онѣ были къ тому же причиною тѣхъ претензій Франціи на Неаполь, которыми открывается новое время. Четырнадцатый вѣкъ такимъ образомъ даетъ Неаполю богатую жизнь, исполненную фактовъ и драматическаго движенія.

Было бы неумѣстно вникать въ подробности всѣхъ войнъ, которыми обильно ознаменовалось это время; мы, согласно назначенію рассказовъ, остановимся болѣе на личныхъ характеристикахъ государей, которыя невольно совпадутъ съ очеркомъ политической исторіи, потому что личность вступила здѣсь во всѣ свои обширныя права. Рѣдкая династія за такой ограниченный періодъ дала столь разнообразныя характеры. Ея родоначальникъ, „этотъ черный человекъ, никогда не славшій“, какъ рисуетъ его Джіованни Виллани, не повторился въ своихъ потомкахъ. Папы жестоко ошиблись въ мнимомъ кліентѣ римской курии. Суровый *Карлъ I* самъ успѣлъ подчинить ихъ себѣ и тѣмъ опредѣлить политику своихъ наслѣдниковъ. Но, вѣчный дѣлецъ, человекъ безостановочнаго труда, съ страшнымъ честолюбіемъ, онъ не могъ удовлетвориться результатами; обстоятельства, для него почти всегда неблагопріятныя, не давали ему рѣшительныхъ успѣховъ; самая дѣятельность его потому еще не достаточно выяснилась по отношенію къ тѣмъ планамъ, какіе онъ создавалъ. Блестящаго триумфа, цѣли своихъ задушевныхъ желаній, Карлъ не встрѣтилъ. Сицилійская вечерня была для него всегда огравой. Тогда его постигло горькое разочарованіе, достигшее до полного презрѣнія жизни, которая дала ему столько бесполезныхъ мукъ. На глубинѣ души его закопопилась злоба про-

тивъ самого себя. Карлъ не имѣлъ терпѣнія дожидаться естественной смерти. Страшныя мученія неудовлетвореннаго честолюбія терзали его даже во время тяжкой болѣзни (1285 г.). Однажды ночью, въ сильномъ припадкѣ нервозной раздражительности, онъ схватилъ снурокъ и навинулъ его себѣ на шею, предупредивъ такимъ образомъ приближавшуюся смерть (*).

Здѣсь мы не можемъ долго ни заниматься этимъ характеромъ, ни задѣвать подробностей политической дѣятельности Карла I,—такъ какъ онъ не входить по времени въ предѣлы нашего изложенія. Два важныхъ событія для неаполитанской исторіи XIV вѣка совершились при его сынѣ *Карль II Хромомъ* (1285—1309 г.), безпѣтная личность котораго тѣмъ не менѣе лишена особаго значенія. Событія эти не зависѣли отъ его инициативы. Это было: вступленіе анжуйской династіи на венгерскій престолъ (1290 г.) въ лицѣ его старшаго сына Карла Мартелла, и т. н. вавилонское плѣненіе папъ. Марія, жена Карла II, была дочерью венгерскаго короля Стефана,—а съ ея братомъ, бездѣтнымъ Владиславомъ, послѣднимъ королемъ арпадской династіи, упразднился венгерскій престолъ. Оставаясь безъ государя, магнаты предлагали свою корону даже самому Карлу; но онъ былъ слишкомъ чуждъ честолюбія, какъ бы въ контрастъ своему отцу. Его дѣятельность цѣлкомъ уходила на внутреннія или скорѣе богоугодныя дѣла. Плѣнъ у аррагонцевъ гдѣ онъ пробылъ даже еще 4 года послѣ смерти отца, вѣчныя неудачи сицилійской войны отбили въ немъ охоту ко всякаго рода обширнымъ планамъ. За то, заключившись въ болѣе узкіе предѣлы, онъ сохранилъ память свою въ нравственномъ отношеніи чуждою всякаго упрека (*come Re lealissimo e di somma bontà*, по словамъ Джанноне). Его попеченія объ университетѣ столицы, о торговлѣ страны, о закрѣпленіи монархическихъ порядковъ, все это достойное продолженіе дѣла великаго Фридриха, конечно, имѣютъ большое значеніе.—Покинутый папами Римъ отрывалъ Роберту, его наслѣднику, а съ нимъ и всей династіи, блистательное будущее, но повергалъ вслѣдъ за тѣмъ страну въ долгія войны. Робертъ долженъ былъ замѣшаться въ круговоротъ наступающихъ событій; возобновлялись претензіи германскихъ императоровъ на Италію. Робертъ долженъ былъ явиться ихъ противни-

(*) По *Theodorus de Nieme y Giannone*; III, 50.

вомъ, вождемъ гвельфовъ и слѣдовательно оберегателемъ вавантнаго Рима. Ознакомившись предварительно съ его личностью, мы остановимся послѣ на походѣ Генриха VII и очертимъ послѣднія воинственныя покушенія императоровъ на Италію въ продолженіи XIV вѣка.

Личность *Роберта* (1309—1343 г.) перешла въ исторію съ эпитетомъ Мудраго (*il Savio*), за восторженное сочувствіе къ наукѣ, за гуманность характера. Данное учеными же и поэтами это почетное прозвище возбуждаетъ сомнѣніе въ своей основательности. Взглянемъ на факты его внутренней дѣятельности. Дѣйствительно, что касается до правосудія на-примѣръ, то въ этомъ отношеніи не было еще тогда монархической страны, которая бы управлялась съ такимъ тактомъ, съ такимъ благоразуміемъ. Это подтверждаютъ тѣ новыя порядки, которые были введены Робертомъ въ устройствѣ трибуналовъ и магистратовъ. Въ судьи онъ выбиралъ людей высочайшей учености а главное—безупречной репутаціи. Для дѣлъ церковныхъ Робертъ издалъ особыя *Regole della Cancelleria*, въ которыхъ были указаны новыя способы для сбора римской десятины. Ею завѣдывали особо назначенные папскіе повѣренные, такъ называемые *Collettori Apostolici*, подчиненные главнымъ намѣстникамъ папы въ неаполитанскомъ королевствѣ, пользовавшимся огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ,—нунціямъ. Главнымъ образомъ Робертъ заботился о внутреннемъ спокойствіи государства, или, какъ выражается историкъ, „наблюдалъ чтобы вѣчный миръ царилъ въ народѣ“ (*). Король сдерживалъ недовольныхъ, наказывая возмутителей общественнаго спокойствія. Онъ укротилъ также произволъ духовныхъ феодаловъ, которые нещадно давили своихъ вассаловъ.

Какъ видимъ, Робертъ дѣйствуетъ въ духѣ новыхъ монархическихъ идей. Однако результаты не выеупали его неразборчивыхъ мѣръ. Передъ смертью онъ имѣлъ неудовольствіе видѣть, какъ снова поднялись только что униженные имъ бароны; съ послѣдними силами онъ предписываетъ дѣйствовать оружіемъ и вотъ вся страна наполняется въ сильномъ количествѣ политическими преступниками. Губернаторамъ провинцій (*giustizieri*) было указано хватать виновныхъ, но

(* *Giannone*; III, 135.

тѣ или разбѣгались по разнымъ мѣстамъ, такъ что команды не могли поймать ихъ, или же споконно проживали въ крѣпкихъ замкахъ недовольныхъ бароновъ. Вообще, военныя предпріятія не удавались Роберту; его сферою была гражданская дѣятельность. Между тѣмъ положеніе дѣлъ не позволяло ему власть оружія. Онъ долженъ успѣвать вездѣ,— драться съ двумя императорами, драться съ двумя королями аррагонскимъ и сицилійскимъ, драться съ итальянскими городами изъ за интересовъ гвельфовъ, которые поручили ему охранять авиньонскіе папы, теперь безгласные въ дѣлахъ полуострова. Робертъ былъ самый плохой военачальникъ и на сушѣ и на морѣ, гдѣ самая природа противъ него. У береговъ Сициліи буря разбиваетъ его лучшую надежду, большую флотилію изъ 75-ти галеръ, 3 галіоновъ, 30 транспортныхъ судовъ, 30 лодокъ и 160 другихъ мелкихъ судовъ. У него правда 42 тысячи солдатъ, но и сухопутныя силы такъ же гибнутъ какъ и морскія. Впрочемъ, богатая казна сдѣлаетъ снова такую же армию. Наемничество, это безконечное предложеніе военнаго товара, тогда только что организовалось въ услугахъ общинъ и тирановъ. Робертъ тратилъ на войска то, что получалъ отъ гражданскаго преступленія королевства. Въ послѣднемъ отношеніи труды его были полезнѣе, несравненно производительнѣе. Онъ одинъ много поднзалъ и науку, и литературу, и искусства своего вѣка. Около него, какъ около центра, группировалась вся мыслящая Италія эпохи. Онъ не жалѣлъ денегъ для пріобрѣтенія лучшихъ ученыхъ въ неаполитанскій университетъ. Иногда онъ самъ являлся въ аудиторіяхъ и слушалъ тамъ лекціи. Можно совершенно непреувеличенно сказать, что Робертъ благоговѣлъ передъ поэзіей и наукою. Извѣстны его любимыя слова: „лучше хочу знать науки безъ діадемы, нежели носить діадему безъ наукъ“. Особенно Петрарка пользовался его подобострастнымъ уваженіемъ. Когда поэта короновали въ Капитоліи, то Робертъ, уже престарѣлый, высказывалъ искреннее сожалѣніе, что не можетъ собственноручно возложить вѣнецъ на его голову. Петрарка съ своей стороны платилъ глубокою признательностью королю, оставляя потомству слѣдующую, очень вѣрную, характеристику своего друга.

„Ученый король былъ всегда съ книгою въ рукахъ; днемъ или ночью, во время отдыха или прогулки, среди

дѣлъ мира или войны, онъ не измѣнялъ ей. Робертъ заботился о даровитыхъ личностяхъ, со всей щедростью награждая гениевъ своего вѣка (хотя, надо прибавить, мало оказывалось поводовъ къ такой щедрости). Онъ согласенъ не только благосклонно и терпѣливо прослушивать все, что ему читалось, но ищетъ случая одобрить, наградить авторовъ. Такъ онъ поступалъ до послѣдней минуты. Уже старикъ, король-философъ, не стыдился учиться и дѣлиться съ другими своими познаніями. Онъ постоянно твердилъ, что человѣкъ дѣлается мудрымъ только благодаря наукѣ:—уча и учась. Даже тѣ, которые изъ ненависти злословили его, стараясь уменьшить его заслуги, не могли отказать ему въ учености. Искусный въ богословіи, философіи, медицинѣ, краснорѣчьи, онъ не занимался развѣ только одною поэзіею^(*).

Что особенно отличало Роберта, то это теплое религиозное чувство, выразившееся въ оставленныхъ имъ молитвахъ^(*). Онъ тратилъ огромныя суммы на монастыри, церкви, в другіе религиозные предметы; 3 тысячи дукатовъ въ мѣсяць отпускалось на эти статьи изъ королевскаго египто. Подъ страхомъ возобновленія крестоваго похода, онъ обязалъ египетскаго султана содержать 12 францисканцевъ у Гроба Господня. Съ такимъ мягкимъ, женственнымъ характеромъ, Робертъ конечно заслужилъ эпитафію „suscipe Robertum regem virtute refertum“,—но не удовлетворилъ тѣхъ надеждъ, которыя имѣли право возлагать на него лучшіе люди Италіи, судя по его силѣ и политическому вліянію. Только благодаря отсутствію папъ, онъ могъ пріобрѣсти положеніе вождя гвельфской партіи. Внутри государства онъ не всегда могъ сладить съ аристократіей и народомъ. Потому, разобравъ съ разныхъ сторонъ характеръ Роберта и оцѣни-

(*) *Petrarca. Regum memorabilium*, l. 1, c. 1.

(*) Памятникомъ чистоты своихъ нравственныхъ убѣжденій, Робертъ оставилъ также трактатъ, написанный имъ подъ конецъ жизни. Стихи довольно плохи; потому надатель Убальдини замѣчаетъ о нихъ,—«commentò le iughe del suo ingegno nella vecchiaja applicandosi a rimare». Трактатъ, изданный въ Римѣ въ 1842 году, называется: «Il trattato delle virtù morali di Roberto Re di Gerusalemme, ed. di conte Federico Ubaldini». Къ этой же рѣдкой книгѣ присоединено нѣсколько сонетовъ Петрарки, «Tesoretto Брунетто Латини и 4 канцоны Бонни Сиенскаго.

вая его дѣятельность какъ по принципу такъ и по достигнутымъ результатамъ, мы приходимъ къ мнѣнію не въ пользу короля. Очевидно, что репутація мудрости создана была благодарными апологистами; за ними она повторялась согласнымъ хоромъ итальянскихъ историковъ XVII и XVIII вѣка, судившихъ сквозь извѣстную призму и односторонне. Сужденія иностранныхъ источниковъ, на примѣръ нѣмецкихъ, выходятъ на этотъ разъ болѣе достовѣрными. Для старыхъ итальянскихъ писателей личность Роберта нѣкоторымъ образомъ священна. О ней можно отзываться лишь въ такихъ общихъ и пышныхъ фразахъ: „Робертъ оставилъ по себѣ имя и доблестнаго и мудрѣйшаго (*il più savio*) короля своего времени. Онъ былъ украшенъ дарами благоразумія, справедливости, гуманности, скромности, твердости и прочихъ доблестей военныхъ и гражданскихъ“ и т. д.⁽¹⁾ Это говоритъ одинъ изъ лучшихъ между ними. Пристрастіе къ Роберту перешло отчасти и въ изслѣдованія новыхъ историковъ Италіи (вромѣ Канту). Между тѣмъ исторія похода Генриха VII, гдѣ король остается какъ бы въ тѣни, обнаруживаетъ въ немъ недостатокъ смѣлости, распорядительности и отсутствіе воинскихъ качествъ; государственныя его способности были довольно ограничены. Его прославленная мудрость развилась подъ перомъ риторовъ Возрожденія. Честный и ученый человекъ, онъ былъ поставленъ судьбою не на своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ событія требовали особенной дѣятельности. Перенесеніе папской резиденціи въ Авиньонъ было какъ бы знаменомъ новаго появленія императоровъ въ Италіи. Уже нашествія изъ Германіи готовились сдѣлаться преданіемъ. Габсбурги, вступая на германскій престолъ, не обратили первое время вниманія на положеніе итальянскихъ дѣлъ. Рудольфъ I смотрѣлъ на Италію какъ на ловушку. И онъ, и

⁽¹⁾ Этотъ отзывъ *Giannone* вытекаетъ изъ того хвалебнаго ореола, которымъ окружилъ Роберта *Giov. Villani* въ своей знаменитой исторіи (*Mem.* XIII, l. 11, 12), *Petrarca* (*rerum memorabilium*, l. 1, 4), даже *Boccaccio* (*Genealogia deorum etc.* l. XIV, c. 9, 22; l. XV, 13). Сужденія итальянцевъ почти буквально сходны, напр. *Maffei* (*gli annali di Mantova*, l. IX, c. 6): «essendo Roberto Principe Savio, e di grand'esperienza in pace e in guerra (p. 656)» и пр. Изъ новыхъ: *Bossi* относится довольно вѣрно (XV, 722); *Caniti* же видитъ на этотъ разъ одно дурное (VI, 50).

Адольфъ, и Альбрехтъ I были на столько матеріалисты, что не гнались за лестною, но далекою славою. Не то былъ Генрихъ VII Люксембургскій (1308—1313 г.). По убѣжденію даже нѣмецкихъ историковъ, онъ долженъ былъ быть скорѣе героемъ романа Сервантеса, нежели представителемъ высокой императорской власти (*). Генрихъ былъ прежде всего человѣкъ восторженнаго воображенія и высокихъ идеаловъ; суровая дѣйствительность была не по немъ; жизнь для себя онъ не понималъ. Онъ говорилъ, что „императоръ долженъ быть тѣмъ-же рыцаремъ, съ тою разницею, что его арена гораздо шире; онъ долженъ быть органомъ правосудія, хранителемъ мира“ (**). Такія убѣжденія не раздѣлялись итальянцами, которые въ эти годы готовились захить самостоятельную республиканскую живнiю. Гвельфы торопились сказать сопротивленіе вторженію императора. Они толпились около короля Роберта, который за отсутствіемъ папы считался главою гвельфской партіи. Самъ же Климентъ V, къ величайшему удивленію современниковъ, рѣшается привѣтствовать вступленіе императора; онъ совѣтуетъ своимъ гвельфамъ даже подчиниться ему (**). Объясненія такого страннаго поступка надо искать въ личныхъ стремленіяхъ папы. Вѣроятно французское иго становилось невыносимымъ, а Климентъ V рассчитывалъ на содѣйствіе Генриха VII въ случаѣ своего возвращенія въ Римъ.

Но въ Италіи въ то время былъ одинъ человѣкъ, который безкорыстно, съ теплымъ патріотическимъ чувствомъ, желалъ присутствія императора на полуостровѣ. Если мы скажемъ, что этотъ человѣкъ былъ Данте, то никто не будетъ сомнѣваться въ неподдѣльности его патріотизма. Меж-

(*) Укажемъ для примѣра на *Kortüm*: (Die Geschichte des Mittelalters), который говоритъ слѣдующее: «Heinrich wirkte gegen seine Zeit; er war der fahrende Ritter der gleichsam veredelte Don Quixote des deutschen Kaiserthums (II, 304)».

(**) *F. W. Barthold* «Der Römerzug König Heinrichs von Lützelburg. Königsb. 1830, 2v (I, 285). Широко разработанная монографія, но съ характеромъ пристрастнымъ, такъ какъ трудъ во многомъ касается Италіи. Біографія Генриха VII: *Veger* (1531), *Mussati* (1636), *Gundling* (1719), *Köhler* (1722), *Dönniger* (1840).

(***) *Raynaldi*. *Annales ecclesiastici* подъ 1310 годомъ.

ду тѣмъ ему вторженіе нѣмецкихъ латниковъ, неистовство, грубыхъ рыцарей, казалось золотымъ вѣкомъ, счастливою эрою родной исторіи.... Что бы ни говорили про политическія убѣжденія великаго поэта, нельзя не признать двойственности въ общемъ впечатлѣніи этой личности. Извѣстно, что одинъ изъ французскихъ біографовъ Данте, именно Озанамъ, довольно удачно подмѣтилъ внутреннія противорѣчія характера Аллигieri. Уваженіе Церкви, вражда съ феодализмомъ, могутъ заставить думать, что Данте принадлежитъ къ гвельфской партіи, хотя съ другой стороны, монархическія тенденціи, ненависть къ Франціи, тѣсно сближаютъ его съ гибеллинами. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы поэтъ переходилъ отъ однихъ убѣжденій къ другимъ или чтобы онъ когда нибудь измѣнялъ своимъ принципамъ, напротивъ, онъ всегда честно держался своей программы. Но онъ искренно вѣрилъ, что для блага Италіи необходимо примиреніе двухъ противоположныхъ полюсовъ, необходимо среднее рѣшеніе между ними⁽¹¹⁾. Оттого въ его симпатіяхъ къ императорскому оружію, нельзя подозревать національное отступничество. Потому, не слѣдуетъ удивляться, если итальянскій публицистъ XIV вѣка, оскорбляетъ тѣхъ императоровъ, которые равнодушны въ Италіи, какъ напр. Альбрехта, презрительно называемаго имъ „tedesco“. Не слѣдуетъ также удивляться, если тотъ же Данте пишетъ Генриху VII страстное письмо слѣдующаго содержанія:

„Наступаетъ время радости и мира; новый день озаряетъ всѣхъ своимъ свѣтомъ. Вотъ, съ востока занимается заря,—она разгонитъ тучи нашихъ долгихъ бѣдствій. Мы готовимся скоро вкусить отраду, мы, которые съ давнихъ поръ, живемъ въ жалкой пустынѣ. Солнце мира восходитъ,—и правосудіе, доселѣ мрачное, скоро засіяетъ новымъ свѣтомъ. Теперь тебѣ будутъ завидовать, о Италіа будутъ завидовать потому, что твой супругъ, гордость вѣка, слава итальянскаго народа, нашъ милостивый Генрихъ, великій Цезарь, спѣшитъ пировать на твоей свадьбѣ. Утри свои слезы, брось эти печальныя одежды, о ты, прекраснѣйшая изъ дѣвъ.... Народы

⁽¹¹⁾ «Dante survit, non sans hésitations, mais sans pusillanimité la ligne moyenne, qui en résulta. *Ozanam* — Dante et la philosophie Catholique au XIII siècle. P. 1845 (p. 277).

Италиі, преклоняйте колѣна передъ вашимъ государемъ! Помогайте ему, уважайте его, повинуйтесь ему, вы всѣ, которые пьете воды Италиі, которые плаваете по морямъ ея, вы всѣ, которые получаете свои богатства и лишаетесь ихъ только по его произволу“....⁽¹³⁾.

Но убяжденія поэта не подѣйствовали на народъ итальянскій. Какъ только Генрихъ VII, съ двумя тысячами пѣхоты и кавалеріи, перешелъ черезъ Альпы (сентябрь 1310 г.), то уже встрѣтился съ враждебнымъ настроеніемъ итальянцевъ. Съ какимъ-то презрѣніемъ ломбардцы давали нѣмцамъ деньги, чтобы только выжить ихъ скорѣе изъ страны. Впрочемъ, не всѣмъ городамъ удалось счастливо раздѣлаться съ императоромъ. Заврѣпленіе тираніи отдѣльныхъ синьоровъ,—вотъ осязательные слѣды пребыванія Генриха VII въ сѣверной Италиі. Были еще и другіе признаки императорскаго нашествія. По приказу Генриха срывали стѣны и укрѣпленія сопротивлявшихся городовъ, лишали вольностей независимыя общины, грабили до тла и выгоняли упорныхъ гвельфовъ. Даже король неаполитанскій вызывался къ императорскому трибуналу, какъ виновный въ оскорбленіи величества. Конечно, онъ не поѣхалъ. Но нѣмецкіе судьи вмѣстѣ съ юрисконсультами болонскими распорядились заочно приговорить дерзкаго къ лишенію лена и даже смертной казни,—если только нога его будетъ на императорскихъ земляхъ⁽¹³⁾. Вмѣстѣ съ нимъ подвергались нѣмецкой опалѣ: Флоренція, Павія, Падуа и Асти, за то что вездѣ гоняли императора. Подобныя приговоры, безъ сомнѣнія, верхъ эксцентричности Генриха VII. Понятно, что современники нисколько не сомнѣвались въ ничтожности уголовной рекламы и не обращали то ни никакого вниманія⁽¹⁴⁾. Съ такимъ же чувствомъ относились и къ императорской коронаціи, совершившейся въ Миланѣ. Недостатокъ въ средствахъ побуждалъ Генриха слишкомъ безцеремонно брать деньги съ городовъ, князей, синьоровъ за то, чтобы они опять оставались городами, князьями, синьорами. Оригинальное

⁽¹³⁾ *Barthold.* Der Römerzug Heinrichs; I, 340.

⁽¹³⁾ *Pertz.* Monumenta Germaniae historica. Edictum de crimini laesae majestatis (IV, 345—349).

⁽¹⁴⁾ *Barthold;* II, 389.

донкихотство во всемъ требовало формы, подтвержденія, верховной санеціи. Съ тою же цѣлью императоръ пошелъ на Римъ, послѣ безуспѣшной осады республиканской Флоренціи. Надо замѣтить, что большая часть Рима была занята неаполитанскими войсками, которыхъ при всѣхъ усиліяхъ не могли выбить нѣмцы. Въ простой приходской церкви Генрихъ VII спѣшитъ показать своимъ солдатамъ картину коронаванія. Папа грозитъ ему изъ Авиньона. Императоръ рыцарски отвѣчаетъ Клименту, „что онъ не думаетъ нарушать права Церкви, которая напротивъ хочетъ оградить, но что его главная цѣль показать міру достоинство и величіе римской имперіи“. Папа можетъ быть улыбнулся бы такому отвѣту, если бы не получилъ прискорбнаго извѣстія объ измѣнѣ Генуи и Пизы, которыя отерты соединились съ Генрихомъ. Въ то же время Арагонія и Сицилія объявили войну Неаполю и естественнымъ образомъ примкнули къ императору. Тогда же и Леопольдъ австрійскій привелъ значительное вспомогательное войско въ нѣмецкій лагерь.

Генрихъ VII самъ удивился своему внезапному и нежданному счастью. У него уже не разсѣяныя сотни усталыхъ латниковъ, а напротивъ стройная сорокатысячная армія. У него подъ рукою превосходная флотилія: 17 галеръ пизанскихъ и генуэзскихъ, 15 сицилійскихъ и арагонскихъ, — вывѣдываютъ императорскій флагъ. Такъ быстро организовались священныя силы во имя идеи Священной Имперіи. Флотъ уже грабитъ берега Калабріи и готовится обложить самый Неаполь. Робертъ не думаетъ о защитѣ и собирается бѣжать въ родной Провансъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась кампанія, принявшая такой рѣшительный оборотъ. Вдругъ, Генрихъ заболѣваетъ смертельно и въ нѣсколько дней умираетъ въ замкѣ Бонконвенто, недалеко отъ Сиены. Какъ круто поднялись было фонды Гибеллиновъ, такъ круто опустылись. Полагали, что императоръ умеръ отъ отравы; такія объясненія были въ духѣ времени. Справедливо или нѣтъ, но было подозрѣніе на одного доминиканца, который будто подмѣлъ яду въ святые дары, чтобы скорѣе прекратить жизнь больного. Говорили также, что трупъ покойника разлагался необыкновенно быстро, такъ что не было возможности довести тѣло Генриха до родины. Дорогою, трупъ вынули изъ ящика и ночью сожгли; пепелъ привезли въ Пизу и тамъ зарыли.

а по другимъ извѣстіямъ, его успѣли довести до Германіи⁽¹⁴⁾. При всѣхъ такихъ обстоятельствахъ, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній винить гвельфскую партію въ злодѣйскомъ поступкѣ. На него не согласился бы Робертъ, одинъ изъ честнѣйшихъ государей итальянской исторіи.

Смертью Генриха VII рушились всѣ надежды гибеллиновъ, желавшихъ нѣмецкаго вліанія на Италію. Лига разстроилась. Неаполь успѣлъ примириться съ своими врагами. Дальнѣйшія попытки императоровъ уже не могутъ имѣть твердой опоры; онѣ должны были стать еще болѣе отвлеченною мечтою. Бѣднякъ Людвигъ V Баварскій (1314—1347 г.) думалъ только, какъ бы поправить свои скудные финансы. Ему плохо до того, что приходится однимъ яйцомъ наградить своего вѣрнаго полководца⁽¹⁵⁾. Его походъ въ Италію кончился поворотнымъ *fiasco*, хотя онъ и успѣлъ короноваться миланскою и даже римскою императорскою короною (1327 г.). Возмущеніе народа принудило Людвига оставить городъ. Войска неаполитанскіе отгѣснили его въ Тоскану и наконецъ вѣнчаннй императоръ бѣжить изъ Италіи. Теперь переимѣняется его политика. Онъ продаетъ сеньорамъ ломбардскіе города, забывая то, что они уже давно проданы. За деньги онъ готовъ уступить даже всѣ свои права на Италію. Понятно, что такіе симптомы должны были служить сигналомъ паденія дѣла гибеллиновъ. Впрочемъ, въ теоріи Петrarка еще проводитъ идеи монархизма, но онъ напрасно вызываетъ тѣни римскихъ императоровъ. Онѣ не могутъ ни сами воскреснуть въ новой жизни, ни воскресить другихъ. Когда внуки Генриха VII, Карлъ IV Богемскій (1347—1378 г.) свергнулъ стараго Людвига, то попытался было также совершить прогулку въ Италію. Но съ нимъ только 300 безоружныхъ воиновъ. Итальянцы встрѣчаютъ его презрѣніемъ. Виллани говоритъ, что императоръ вѣроятно

⁽¹⁴⁾ Изъ извѣстныхъ намъ историковъ только одинъ *Rehm* положительно вѣритъ отравленію (*Geschichte des Mittelalters*; IV, I, 138).—Срв. *Barthold*; II, 438.—Въ нѣмецкой литературѣ есть отдѣльное наслѣдованіе о смерти Генриха.—*Difembach*. De vero mortis genere, quo Henricus VII obiit. Fr. 1685.

⁽¹⁵⁾ *Kortüm*; II, 306. Слова Людвига помѣщены въ надгробную надпись Швейпермана: «Jedem ein Ey; dem frommen Schwepperman zwey».

собрался на рынокъ запастись провизіей. Въ своей Золотой Буллѣ (1356 г.) Карль IV называетъ себя едва ли не властителемъ вселенной, а между тѣмъ на дѣлѣ онъ высказывается покорнѣйшимъ слугою папы, забывая и своихъ гибеллиновъ и свое императорское величіе. Онъ даетъ честное слово папѣ, что не пробудетъ въ Римѣ болѣе одного дня послѣ коронаціи (17). Повторимъ, въ теоріи императоры по прежнему сильны, недосыгаемы. Даже полуумный Венцель (1378—1400 г.) не перестаетъ утверждать, что короли римскіе божіею милостію выше свѣтскихъ государей, а между тѣмъ какъ они ничтожны на дѣлѣ, какъ сгладились они въ своемъ минувшемъ величіи, сгладились до того, что напримѣръ Рупрехтъ (1400—1410 г.) дѣлается простымъ итальянскимъ кондотьеромъ. Преемники гогенштауфеновъ, императоры, скоро перестали уже думать о римскомъ престолѣ и своимъ молчаніемъ какъ будто удвоили торжество папъ, которые даже изъ чужаго Авиньона сзумѣли поддерживать и свои права и неприкосновенность своей духовной силы.

II.

Безъ сомнѣнія, на такого гуманнаго, мягкаго человѣка должна была сильно подѣйствовать смерть единственнаго, нѣжно любимаго сына, уже подававшаго большіе задатки государственнаго искусства. Герцогъ калабрійскій всегда былъ вѣрнымъ помощникомъ своего отца; какъ соправитель, онъ носилъ титулъ королевскаго намѣстника (*vicario*). Заливаясь слезами, говорилъ старикъ, пораженный въ самое сердце: „корона упала съ головы моей, *caduta è la corona del capo nostro*“ (18). Все свое вниманіе, всю любовь онъ обратилъ теперь на внучку Джіованну, которая во многомъ напоминала ему сына. Эта внучка была знаменита въ послѣдствіи, какъ королева Іоанна I (19). Еще семи лѣтъ, дѣдъ об-

(17) *Raynaldi. Annales. 1346.*

(18) *Giannone; III, 132* и др.

(19) Carlo, duca di Calabria, такъ во многомъ похожій на своего отца, былъ женатъ два раза. Бракъ съ Екатериною, австрійскою принцессою, былъ бездѣтенъ. Тогда Карль женился на Маріи. Валуа Отъ нее онъ имѣлъ трехъ дочерей; Джіованну (будущую королеву), Марію, которая вскорѣ умерла, и еще Марію, уже родившуюся послѣ смерти отца. Последняя вышла за Карла Дураццо.

ручилъ ее съ Андреемъ, младшимъ сыномъ Кароберта, короля венгерскаго (26 сентября 1333 г.). Можетъ быть онъ думалъ этимъ предохранить Неаполь отъ вооруженнаго вторженія венгерской династїи, которая не совсѣмъ-то благосклонно смотрѣла на южную Италію. Съ своей стороны, Каробертъ былъ радъ этому браку. Онъ самъ прїѣзжалъ въ Неаполь, гдѣ самымъ родственнымъ образомъ былъ принятъ дядею Робертомъ. Тотчасъ же послѣ обрученія, Андрей, еще мальчикъ, получилъ титулъ герцога калабрійскаго. Отецъ снабдилъ его достаточнымъ количествомъ венгерцевъ и, поручивъ главную опеку суровому монаху „fra Roberto“, уѣхалъ. Андрей росъ подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ и выросъ истиннымъ азіатцемъ. Безпрекословно повиновался онъ злому и угрюмому монаху, который грозилъ впоследствии сдѣлаться бичемъ цѣлаго королевства. (19). Джіованна двѣнадцати лѣтъ была рѣдкая красавица; она отличалась прекрасными качествами ума и сердца. Дѣвическая красота ея въ пору зрѣлости приняла величественное выраженіе, не безъ явнаго отпечатка энергіи, страстности. Ея умъ, гибкій и тонкій въ дѣтствѣ, высказался послѣ въ счастливомъ таѣтѣ и въ замѣчательной правительственной способности. Обширнымъ образованіемъ, подъ руководствомъ дѣда, она превосходила всѣхъ своихъ соотечественницъ. Понятно, что такая женщина не могла сочувствовать дикому и бездарному чловеку, какимъ былъ ея венгерскій супругъ, не перенявшій ничего итальянскаго. Равнодушіе къ нему, скоро превратившееся въ ненависть, поселилось въ ея сердцѣ еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Въ политическомъ бракѣ нисколько не участвовали ея личныя привязанности. Потому не слѣдуетъ безусловно осуждать ее, если бы впоследствии она завидя себя темнымъ дѣломъ, за который обыкновенно покрываютъ позоромъ ея память. Но мы имѣемъ основаніе думать, что такого преступленія не раздѣляла Іоанна; по крайней мѣрѣ, много фактовъ говорятъ за нее. Лучшіе историки

(19) Личность fra Roberto обрисовалъ *Costanzo* въ 6 книгѣ своей исторїи самыми мрачными красками, — «un animale orrendo, co' piedi scolti, co'l capo scoperto. — Torto di persona, marcio di tempo, grossi di fianchi, co'ranni logori estracciati» etc. повторяетъ за нимъ *Maffei* (I. X).

эпохи, люди знавшіе лично королеву, считаютъ ее „святѣйшею женщиною, гордостью міра, солнцемъ Италіи“. Придирчивѣйшіе писатели не могутъ упрекнутьъ ее ни въ частной, ни въ семейной жизни. Правда, Аммирато и Колленучіо считаютъ ее женщиною сладострастною: „не для потомства, говорятъ они, а только для удовлетворенія своихъ страстей, она, уже на старости лѣтъ, искала себѣ мужа“. Но Костанцо справедливо замѣтилъ, что въ такихъ случаяхъ ищутъ любовниковъ, а не мужей. Фаворитовъ у ней не было. Красавцы полководцы, молодые министры и придворные, постоянно окружавшіе ее, не могли похвастать ея благосклонностью. Только одинъ Боккачіо говоритъ, будто королева въ молодые годы была въ связяхъ съ сыномъ одного изъ первыхъ вельможъ королевства, который считался даже ея официальнымъ фаворитомъ. Но вѣдь Боккачіо свои „*de mulieribus*“ писалъ исключительно съ невинною цѣлью нарисовать нѣсколько соблазнительныхъ картинъ изъ придворной жизни стараго и новаго міра.

Мы думаемъ, что женщину съ характеромъ Іоанны I, исторія, хотя не совершенно извинить, но оправдаетъ во многомъ. На нее не слѣдуетъ класть вѣйма того отверженія, котораго многіе считаютъ ее достойнымъ. Въ нравственномъ отношеніи она стоитъ безконечно выше Іоанны II, этой Мессалины XV вѣка; она составляетъ даже сильный контрастъ съ послѣднею. *Prius felix, post miserenda nimis*,—какъ гласитъ ея эпитафія,—она возбуждаетъ сожалѣніе и несчастіями своими, и тѣмъ страшнымъ наказаніемъ, которое постигло ее за преступленіе, если и было преступленіе. На судъ исторіи ея образъ явился очищеннымъ, и потому она имѣетъ право на участіе потомства. Портретъ ея, который еще и теперь можно видѣть въ Неаполѣ, поражаетъ зрителей пластичной и вмѣстѣ симпатичною красотою. Пословамъ одного изъ ея біографовъ, который не имѣлъ причины лгать въ этомъ случаѣ, „во всей ея фигурѣ, во всѣхъ манерахъ проявлялась какая-то величественная прелесть (*une douceur majestueuse*). Эта прелесть внушала невольное чувство уваженія и даже привязанности въ сердцахъ тѣхъ, которые имѣли случай видѣть ее. Въ ея голосѣ звучала теплая задумчивость. Она была привѣтлива, сострадала несчастнымъ и всегда ста-

рагась помочь имъ“ (21). Последнее распоряженіе Роберта дѣлало наследницею престола Иоанну, а Андрею не давало ничего кромѣ номинальнаго титула соправителя и супруга королевы. Умирающій Робертъ имѣлъ еще силы созвать съ этою цѣлью парламентъ; онъ обязалъ бароновъ вѣткою въ вѣрности королевѣ *Иоаннѣ I* (1343—1382 г.), которая должна была вступить на престолъ тотчасъ послѣ его смерти. Въ помощь себѣ Иоанна тогда же пригласила совѣтъ изъ преданныхъ людей, нисколько однако не ограничивавшій ея власть (*tutto dipendente da lei*).

При всемъ томъ, первые годы правленія Иоанны, этой итальянской Маріи Стюартъ, какъ ее часто называютъ, прошли очень несчастливо. Надо предполагать, что беспорядокъ былъ страшный, потому что онъ выдался въ глаза даже послѣ безпокойнаго времени Роберта. Джьанноне замѣчаетъ, что это былъ контрастъ дня и ночи (*chè tra il dì, e la notte*). Тѣснили всѣхъ совѣтниковъ покойнаго государя, вдова котораго должна была удалиться въ монастырь и тамъ кончить дни въ аскетическихъ подвигахъ святости. Причиною всего этого было вмѣшательство венгерской партіи въ дѣла правленія; полудикіе войны венгерскіе, товарищи Андрея, буйствовали при дворѣ, буйствовали по всему королевству. Наконецъ, *fra Roberto*, поддерживаемый мужемъ

(21) (*Guijot*). *Histoire des Jeannes, reines de Naples* (Par. 1700); 22.— См. также отзывъ юриста *Angelo da Perugia* у *Giannone* (III, 194) — *Самъ Giannone* отзывается такъ объ Иоаннѣ I: «*più savia Regina, che sedesse mai in sede Reale*» (*ibid.*). Если бы такое замѣчаніе было и преувеличено, тѣмъ не менѣе оно имѣетъ свое значеніе, и далеко не оправдываетъ тѣхъ голословныхъ обвиненій, которыми осыпаютъ королеву. Относительно главнаго изъ нихъ, обвиненія въ убійствѣ, — вопросъ, послѣ защиты *Costanzo* (I. 6) и увѣреній *G. Villani* (I. 12), не можетъ рѣшаться противъ нея. Взглядъ послѣдняго на Иоанну также долженъ быть принятъ въ соображеніе, а онъ считаетъ ее достойною наследницею дѣда Роберта, «не только по престолу, но и по духу», признаетъ ея правительственное искусство, государственный умъ (*si grave la tutte l'operazioni*). Иоанна I, только одна изъ всѣхъ анжуйцевъ, имѣетъ специальную литературу. Вотъ монографіи объ Иоаннѣ I: — *Mignot* (1764), *Stille* (на англ., нѣм. пер. 1830 г.), *Crivelli* (1832), всѣ безъ ученыхъ достоинствъ; послѣдняя для обѣихъ впрочемъ Иоаннъ; на нѣм. *Rotteck* (Sammlung kl. Schr. 1829, B. I) и статья *Röse* (Ersch. u Grub. Th. II, B. XXI).

королевы, окончательно захватилъ всякую власть въ свои руки, вездѣ разгадивъ своихъ *giustizieri* (губернаторовъ). Мрачный монахъ своею ужасною жестокостью сдѣлался страшнымъ народу. Его уста ежедневно провозносили смертные приговоры; эшафоты воздвигались по провинціямъ. Своею суровостью и беспощаднымъ образомъ дѣйствій онъ удалилъ королеву на второй планъ, сдѣлавъ Андрея полновластнымъ государемъ. У венгерской партіи была сильная поддержка изъ родины, гдѣ царствовалъ теперь старшій братъ Андрея, суровый Людовикъ, прозванный послѣ Великимъ. По свидѣтельству венгерскаго историка Бонфинія, Людовикъ отправилъ въ Авиньонъ торжественное посольство, которое имѣло сообщить папѣ, что Андрей, король неаполитанскій, имѣетъ право на этотъ титулъ, не какъ мужъ Іоанны, а какъ первородный правнукъ Карла II Хромаго. Но папа врядъ ли былъ расположенъ подтвердить своею верховною санкціею подобное предложеніе. Пока венгерскіе послы искали аудіенціи въ Авиньонѣ, въ Неаполѣ папскій легатъ уже совершилъ обрядъ коронованія и отъ имени его святѣйшества далъ Іоаннѣ I инвеституру на королевство неаполитанское, какъ на ленъ Церкви. Въ соборѣ *Santa-Chiara* всѣ чины принесли ей присягу, какъ законной государынѣ (30 августа 1344 г.). Къ ея титулу было прибавлено: „*Regina di Sicilia e di Gerusalemme, Duchessa di Puglia, Principessa di Salerno, di Capua, di Provenza e di Forcalqueri, e Contessa di Piemonte*“⁽²²⁾. Но въ то время, когда папа по поводу этой коронаціи объяснялся съ послами венгерскими и выслушивалъ ихъ гордый протестъ, — изъ Неаполя была получена роковая новость объ умерщвленіи Андрея...

Не всѣ историки рѣшаются обвинять Іоанну I въ смерти ея мужа. Можетъ быть она вовсе не желала его гибели и не знала о заговорѣ, которымъ главнымъ образомъ руководили аристократы и принцы крови, а послѣднихъ было немало при неаполитанскомъ дворѣ⁽²³⁾. Всѣ опа-

⁽²²⁾ *Summonte*; II, 417.

⁽²³⁾ Нр. *Giannone*, всегда такъ правдивый, ни слова не говоритъ объ участіи самой королевы въ заговорѣ. Мы вѣрнимъ этому историкъ болѣе другихъ; онъ руководствовался положительно всѣми источниками, не упустилъ изъ вида ни одного письма, ни одного документа и ко всему отнесся

сались, чтобъ папа какъ нибудь не согласился на коронацію Андрея; тогда бы окончательно погибла партія патриотовъ. Уже и теперь фра Roberto разогналъ принцевъ, придворныхъ, старшихъ чиновниковъ; всѣ лучшія мѣста были замѣщены венгерцами. Въ страхѣ бѣжали отъ двора родственники запуганной королевы, а дворяне старались пріютиться гдѣ нибудь дальше въ своихъ помѣстьяхъ. Венгерскіе правители нисколько ни стѣснялись съ народомъ, съ которымъ не имѣли ничего общаго; началась тиранія чужеземцевъ. При такихъ обстоятельствахъ, прочіе вліятельные люди были очень рады, что нѣсколько рѣшительныхъ головъ изъ средняго класса составили заговоръ съ цѣлью убить Андрея и тѣмъ свергнуть тиранію. Всѣхъ заговорщиковъ было 12 человекъ. Положительно извѣстно, что бароны судили имъ большія награды въ случаѣ удачи. Налести ударъ вызвались четверо изъ нихъ; судя по именамъ, они не были итальянцы (Карль Артуръ, сынъ его Бертранъ, Конрадъ Катанлано, Конрадъ Унфредъ). Они счастливо избежались послѣ отъ казни и спаслись бѣгствомъ, между тѣмъ, какъ тѣ пятеро, которые играли во всемъ дѣлѣ едва ли не меньшую роль, были принесены въ жертву правосудія. Андрея не хотѣли убивать въ столицѣ, опасаясь беспорядковъ, которые могли произойти въ городѣ, наполненномъ въ то время венгерскими солдатами. Случилось, что король и королева съ небольшою свитою поѣхали въ Аверсо. Они остановились въ городскомъ замкѣ (17 сентября 1345 г.). Уже была глубокая ночь, когда Андрея вызвали изъ спальни королевы будто за важнымъ дѣломъ; доложи-

довольно критически. Между тѣмъ онъ во всемъ обвиняетъ Карла Дураццо, дядю будущаго короля Карла III. «Alcuni Baroni che desideravano, impedirla (подразумѣвается: отворотить коронацію Андрея), stimolati anche da Reali, che vi dissentivano, e sopra tutti da Carlo, duca di Durazzo, stante ancora la dappocaggine d'Andrea, e l'insolenza degli Ungari, diedero la spinta a coloro, che aveano congiurato d'ucciderlo, d'accelerar la sua morte (III, 170)», etc. Если тотъ же историкъ, въ другомъ мѣстѣ относится съ отгвѣкомъ подозрѣнія къ Іоаннѣ I:—Re Ludovico, *persuaso già, che ella fosse consapevole, e partecipare della morte d'Andrea* (III, 172),—то это подозрѣніе видимо объясняется неловкостью фразы; авторъ подразумѣваетъ: «убѣжденный по наветамъ другихъ».—Срав. по этому вопросу новыхъ исследователей, ипр. Bossi (XV, 728) и La-Farina (VII, 36).

ли, что пріѣхалъ гонецъ отъ fra Roberto. Андрей, ничего не подозрѣвая, всталъ, одѣлся на скоро, и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Было совершенно темно. Не сдѣлалъ онъ трехъ шаговъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что его шею обвиваетъ что-то вѣрное. Прошло нѣсколько страшныхъ минутъ.... Въ комнатѣ послышалось предсмертное хрипѣніе удушеннаго. Андрей былъ задушенъ; петля плотно сдавила его шею. Убийцы выкинули трупъ за окно и удалились, нигѣмъ не замѣченные⁽²⁴⁾. Неизвѣстно, что было съ королевой: ждала ли она супруга или нѣтъ? Обстоятельства дѣла не даютъ основательныхъ доказательствъ на столько, чтобы подозрѣвать ее въ соучастіи. На слѣдующее утро, когда цѣлый городъ былъ въ страшной тревогѣ и не вѣрилъ своему внезапному, неожиданному счастью, можетъ быть и королева одинаково изумилась, испугалась и въ тоже время обрадовалась. Она чувствовала себя на свободѣ....

Тотчасъ же страна приняла другой видъ. Итальянская партія получила полное преобладаніе и при дворѣ и въ администраціи. Венгерцы бѣжали, но съ полною увѣренностью, что король Людовикъ заступится за нихъ, что онъ не оставитъ безнаказанною смерть своего брата.

Дѣйствительно, торжество итальянской партіи было самое непродолжительное; ей едва ли пришлось попользоваться плодами своей побѣды. Со всѣхъ концовъ Европы посыпались обвиненія на королеву. Вездѣ увѣряли, что она знала о замыслѣ и если не руководила имъ, то согласилась на его исполненіе. Людовикъ венгерскій объявилъ, что будетъ оружіемъ мстить за кровь своего брата. Онъ собиралъ громадную армію, приготовляя громы на Неаполь. Папа Климентъ VI изъ Авиньона слалъ буллу, въ которой между прочимъ говорилось: „мы не хотимъ и не должны хотѣть оставить безнаказаннымъ преступленіе, столь ужасное, столь безпримѣрное, почти единственное, о которомъ только приходилось слышать намъ и святой католической Церкви“⁽²⁵⁾.

⁽²⁴⁾ Это убійство согласно описываютъ всѣ историки. См. нр. *Ammirato, dell'istorie fiorentine*; 369. *Guijot, histoire des Jeanes*; 48, 49. *Costanzo*; I. VI, 686—688 etc.

⁽²⁵⁾ *Baluzius*; I, 247 (*Hist. Pap. Avineus*).

Королева не могла не принять мѣръ въ виду такихъ угрозъ. Она старалась по возможности отвратить бѣду, которая грозила неминуемо обрушиться на нее, задавивъ въ конецъ ее самую и ея королевство. По ея приказанію стали розыскивать исполнителей и руководителей злодѣянія. Вѣроятно аристократы, такъ искусно и незамѣтно управлявшіе нитями заговора, дали время и средства бѣжать тѣмъ, которые болѣе всего могли навести на слѣдъ. Можетъ быть, и сами убійцы, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, успѣли давно укрыться въ надежномъ убѣжищѣ. По крайней мѣрѣ, изловили и казнили только тѣхъ, которые были менѣе всего виновны и менѣе всего опасны. Двое изъ нихъ, принадлежавшіе къ святѣ Андрея, умерли еще въ пыткѣ; третій, драхмъ старикъ, конечно ни въ чемъ не виноватый, палъ мертвый въ виду однихъ приготовленій къ колесованію; онъ не въ состояніи былъ даже дойти до мѣста казни. Колесовали (*ta-nagliare sopra un saglio*) только двоихъ,—это были сынъ и племянникъ старика.

Королева рѣшилась наконецъ на тяжкое униженіе, невыносимое для всякаго государя, тѣмъ болѣе для женщины. Она послала къ грозному Людовику трапезскаго епископа съ униженною мольбою принять ее, бѣдную вдову, и ея маленькаго сына (отъ брака съ Андреемъ), подъ свое высое покровительство. Но короля венгерскаго никогда не смягчали женскія слезы. Черезъ того же епископа, онъ отправилъ къ Іоаннѣ суровое письмо, въ которомъ, положительно обвиняя ее въ смерти Андрея, законически замѣчалъ, что онъ не преминетъ лично розыскать виновницу преступленія, дабы показать на ней, какъ слѣдуетъ брату мстить за брата.

Такой отвѣтъ ясно обнаруживалъ намѣреніе Людовика. Надо было приготовиться къ рѣшительной оборонѣ, но она, по собственному сознанію правительства, была немислима при тогдашнемъ положеніи неаполитанскаго королевства. Іоанна I рѣшилась на поступокъ, который въ слѣдующемъ столѣтіи хотѣлъ повторить Лаврентій Медичи. Въ полномъ собраніи государственныхъ чиновъ она объявила, что оставляетъ королевство, что не хочетъ рисковать судьбою цѣлаго народа изъ своихъ личныхъ цѣлей, что она побѣдетъ въ Авиньонъ, падетъ къ стопамъ святѣйшаго отца, и тамъ, положивъ руку на евангеліе, докажетъ свою невинность въ смер-

ти Андрея; теперь же разрѣшаетъ своихъ подданныхъ отъ присяги, и позволяетъ имъ, даже приказываетъ, безъ всякаго сопротивленія покориться Людовику. Рѣчь молодой королевы произвела тяжелое впечатлѣнiе на собранiе, многихъ заставила плавать можетъ быть искренними слезами, но никого не возбуждала къ отважному подвигу спасенiя погибавшей династiи. Иоанна съ своимъ вторымъ мужемъ Людвигомъ (бывшимъ принцемъ Дураццо) сѣла на корабль и въ сопровожденiи небольшой эскадры отправилась въ Провансъ.

Передъ Людвигомъ пало все. Никто не смѣлъ и не думалъ оказывать сопротивленiе, никто не рѣшался даже защищать свою собственность отъ „степныхъ варваровъ“. Безпрепятственно венгры вступали въ крѣпости и города, среди могильнаго молчанiя проходили мрачно смотрѣвшими улицами. Случилось такъ, что въ Аверсо должны были встрѣчать Людовика принцы крови. Тогда одна страшная сцена возмутила жителей. Людовикъ, окруженный венгерскими магнатами и неаполитанскими баронами, проѣздомъ черезъ городъ, вдругъ остановился, когда подѣхали къ замку, въ которомъ задушили Андрея. Рядомъ съ королемъ ѣхали всѣ принцы. Ласково подзываетъ Людовикъ одного изъ нихъ, Карла Дураццо, который, какъ было извѣстно, болѣе всѣхъ принималъ участiе въ заговорѣ. Съ злою иронiею спрашиваетъ принца, въ какое окно онъ выкинулъ Андрея? Карлъ почтительно отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ короля. Тогда Людовикъ молча подаль ему какое-то письмо, и въ тотъ же мигъ по данному знаку, нѣсколько венгерцевъ съ обнаженными мечами бросилось на принца; минута борьбы,—и онъ палъ обезглавленный. Четырехъ принцевъ отвели въ Венгriю. Въ назиданiе своихъ новыхъ подданныхъ, король велѣлъ носить передъ собою черное знамя, на которомъ была изображена сцена убiйства. Съ трепетомъ встрѣтили Людовика депутаты города Неаполя. Угрюмый венгерецъ не сталъ слушать ихъ и въ полномъ вооруженiи, во главѣ грозной армiи, вѣхалъ въ изящную столицу, такъ не гармонировавшую съ нимъ самимъ. Во дворцѣ было приготовлено для него роскошное помѣщенiе, но онъ его не принялъ, а вмѣсто того, надѣвши шлемъ на голову, отправился въ замокъ Castelnuovo и тамъ водрузилъ венгерское знамя.

Черезъ четыре мѣсяца нельзя было узнать неаполитанскаго королевства. По всей странѣ засѣли венгерскiе чи-

новники, венгерскіе губернаторы, венгерскіе гарнизоны; все это дѣйствовало именемъ новаго короля. За то, когда Людовикъ уѣхалъ обратно въ Венгрію, оставивъ своими намѣстниками епископа Буксуса и епископа Варадина, то общій, довольно громкій ропотъ загудѣлъ по всей странѣ. Презрительное, надѣльное обхожденіе варваровъ (i barbari costumi) возмущало самыхъ скромныхъ людей. И знать, и народъ,— всѣ чаще и чаще стали вспоминать о доброй, несчастной королеви. Ея именемъ производились вооруженныя демонстраціи, иногда съ такою силою, что венгерцы даже поддавались. Наконецъ провѣлся слухъ, что Джіованна, имя которой сдѣлалось теперь лозунгомъ народной свободы, возвратилась, что она скоро будетъ на родныхъ берегахъ. Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали этой минуты.

Слухи оказались справедливыми. Королева успѣла убѣдить папу въ своей правотѣ. Климентъ VI публично объявилъ, что обвиненіе, взведенное на Іоанну, лишено всякаго основанія. Письма и адреса получались Джіованною изъ Неаполя. Безъ сомнѣнія, переписка производилась секретно. Восторженный тонъ писемъ, исполненныхъ обожанія къ королеви, еще болѣе убѣждалъ папу въ правотѣ Іоанны⁽²⁶⁾. Наконецъ, около нея сплотился довольно многочисленный кружокъ эмигрантовъ. Авиньонъ,—какъ одинъ изъ городовъ Прованса, составлявшій наследственную собственность Іоанны,—былъ уступленъ папской куріи въ вѣчное владѣніе за восемьдесятъ тысячъ золотыхъ флорентійскихъ флориновъ (около полъ-милліона нашихъ рублей). Тогда считали, что такая цѣна очень умѣренна, но королева, прибавляютъ ей панегристы, свято держалась евангельскихъ словъ: *beatius est dare, quam accipere*. Притомъ, ей крайне необходимы были деньги на вооруженіе десантнаго войска и десятка галеръ на освобожденіе отечества. Папа же, въ порывѣ благодарности, далъ супругу королевы, Людовіку Дураццо, королевскій титулъ.

Съ энтузіазмомъ было встрѣчена Джіованна въ неаполитанской гавани. Венгерцы, ослабленные раздѣленіемъ силъ, не устояли противъ народнаго движенія, и засѣли въ вѣрповѣ Castel-nuovo. Король и королева поселились, наво-

(26) *Costanzo*, l. 6. *Ammirato*, 377. *Balzuzius*; I, 270—272.

вещь, послѣ долгихъ тревоженій, въ своемъ дворцѣ. Людовикъ Дураццо, провозглашенный главнокомандующимъ, началъ сзывать войска и организовалъ сильные отряды изъ воинственной молодежи, которая съ восторгомъ шла мстить за Джіованну. Король венгерскій также не оставилъ безъ поддержки своихъ. Можно судить, какъ велико было одушевленіе неаполитанцевъ, если они не только одолѣли венгерцевъ, занимавшихъ королевство, но даже не отступили передъ свѣжими силами непріятеля. Въ разгорѣвшейся войнѣ, ни та ни другая сторона не имѣла рѣшительнаго успѣха. Папа своимъ вмѣшательствомъ успѣлъ потушить напрасное кровопролитіе, тѣмъ скорѣе, что около того времени умеръ молодой сынъ убитаго Андрея. Папа убѣдилъ короля венгерскаго заключить перемиріе, а послѣ и окончательный миръ (1351 г.). Людовикъ венгерскій, отказываясь отъ своихъ претензій на Неаполь, освободилъ неаполитанскихъ принцевъ, которыхъ онъ болѣе четырехъ лѣтъ томилъ въ своихъ крѣпостяхъ. Отъ имени Іоанны папа предложилъ королю 300 тысячъ флориновъ въ видѣ вознагражденія за военныя издержки, на самомъ же дѣлѣ за уступку своихъ правъ. Но Людовикъ съ благородною гордостью отказался отъ этой низкой награды и предоставлялъ получить ее самому первосвященнику и его святой Церкви. Онъ прибавилъ, что шелъ на Неаполь не для корыстной цѣли, но для славы, что онъ мстилъ за кровь брата, и теперь, когда месть вполне удовлетворена, ему не надо ни жертвъ, ни денегъ ⁽²⁷⁾.

Въ Неаполѣ Венгры оставили по себѣ памятные слѣды. Еще долгое время послѣ выступленія регулярной арміи свирѣпствовали въ странѣ безчисленные отряды наемниковъ, содержимыхъ прежде на счетъ венгерскаго правительства, а теперь дравшихся изъ за собственныхъ выгодъ. Въ эту минуту въ исторіи наемничества совершается важная реформа, появленіе такъ называемыхъ компаній, которымъ главнымъ образомъ обязано неаполитанское королевство своимъ внутреннимъ разстройствомъ. Нуженъ былъ продолжительный миръ, чтобы успокоить и снова привести въ порядокъ потрясенное и разстроенное государство. Казна была истощена до крайности. Экономическое богатство народа, недавно было

⁽²⁷⁾ *Giannone*; III, 176.

упрочивавшееся, стало подрываться въ своихъ источникахъ. Внутренній порядокъ въ этой старѣйшей монархіи поколебался. Рыцарство, обидѣвшее, униженное, приставало съ радостью ко всякому, кто только хотѣлъ поднять знамя бунта. Этимъ особенно отличались знатные бароны. Королевскіе принцы, а ихъ было такъ много при дворѣ, одинаково были не прочь играть роль агитаторовъ. Между тѣмъ на миръ, который теперь былъ бы такъ полезенъ, трудно было рассчитывать. Съ правленія Іоанны I, неаполитанское королевство уже собралось начать свою лагерную жизнь и не хотѣло отдохнуть вплоть до половины будущаго столѣтія, до вступленія на престолъ новой династіи. И конечно, чѣмъ долѣе продолжалась война, тѣмъ губительнѣе, тѣмъ печальнѣе, врѣзывались ея слѣды въ внутреннюю организацію государства.

Мы не намѣрены останавливаться на этихъ войнахъ, болѣе нежели нужно для общей связи. Какъ всѣ войны, онѣ принесли много вреда и мало пользы. Нескончаемая сицилійская кампанія по прежнему продолжала занимать неаполитанское правительство. Іоанна I была счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи. Ея полководецъ Аччіоли уже было совсѣмъ завоевалъ Сицилію; онъ успѣлъ разбить главнаго противника анжуйцевъ Кіарамонте и тѣмъ упрочивалъ господство своей королевы. Но интриги принцевъ заставили вернуть всѣ силы на материкъ и Сицилія была снова потеряна, хотя, по условіямъ мира, короли ея обязались признавать себя вассалами неаполитанскими. Ненависть принцевъ къ Іоаннѣ возрастала тѣмъ болѣе, что она принимала всѣ мѣры для удаленія ихъ отъ престолонаслѣдія. Послѣ смерти своего втораго супруга она еще два раза выходила замужъ; старуха 46 лѣтъ она считаетъ себя невѣстою нѣмецкаго герцога. Но ея дѣтямъ не суждено было жить; они умирали одинъ за другимъ. Ни отъ Андрея венгерскаго, ни отъ Людовика Дураццо, ни отъ Іакова Аррагонскаго, ни отъ Оттона Брауншвейгскаго не осталось потомства. Королева, разочаровавшись въ надеждахъ, принуждена была наконецъ обручить свою троюродную сестру Маргариту съ однимъ изъ принцевъ, Карломъ Дураццо и объявить послѣдняго своимъ наслѣдникомъ. Это былъ будущій король Карлъ III. Для того, чтобы уяснить родственныя отношенія неаполитанскихъ принцевъ крови, и показать родовую связь претен-

дентовъ анжуйской божовой отрасли съ прежними королями неаполитанскими,—мы прилагаемъ генеалогическую таблицу французскихъ Анжу, съ самаго появленія ихъ въ исторіи. Конечно, мы упоминаемъ только тѣхъ изъ нихъ, имена которыхъ почему нибудь встрѣчались или встрѣтятся въ нашихъ очеркахъ.

Но Карлу надо было вынести много тревоженій, пролить много крови, чтобъ достигнуть ступеней трона. Какъ Елисавета англійская, Іоанна I долго не хотѣла разставаться съ короною, съ которою такъ свѣзлась впродолженіе своего сорока-лѣтняго правленія. Обѣ Іоанны (и первая и вторая) ненавидѣли своихъ будущихъ преемниковъ. Имъ тяжело было подумать, что когда нибудь придется лишиться сладкаго обладанія короною. Онѣ не хотѣли допустить, чтобы кто нибудь могъ смѣстить ихъ на престолѣ. Іоанна I, женщина болѣе ограниченныхъ дарованій, заплатилась даже жизнью за такое честолюбіе.

Первое столкновеніе между Карломъ и королевою имѣетъ связь съ исторіей церковной схимы, которая въ это время образовалась въ папской куріи. Извѣстно, что смертью Григорія XI (1378 г.) кончилось т. н. вавилонское плѣненіе. Уже Григорій два послѣдніе года своей жизни проводилъ въ Римѣ и потому римляне имѣли важныя побужденія настаивать, чтобы папская резиденція была обратно перенесена въ ихъ городъ. Французскіе короли естественно должны были противодѣйствовать этому всѣми силами. Но лишь только скончался Григорій XI, какъ, по настоящему требованію народа, собравшійся конклавъ долженъ былъ *de jure* рѣшить незаконность французскаго плѣненія (5 апрѣля 1378 г.). По всему вѣроятію въ конклавѣ преобладала партія иностранныхъ кардиналовъ, потому что народъ долженъ былъ употребить насиліе, чтобы достигнуть своей цѣли. Толпы окружили дворецъ; ясно раздавался крикъ, дѣлавшійся болѣе и болѣе навойливымъ: *Romano lo vogliamo* (хотимъ римлянина). Крикъ этотъ продолжался всю ночь. На слѣдующее утро толпа еще болѣе увеличилась и волненіе народное должно было принять еще большіе размѣры. Кардиналы, заключенные въ конклавѣ, испугались, но потомъ, думая что все дѣло кончится шуточнымъ образомъ, перестали было обращать вниманіе на беспорядки. Однако на слѣдующіе дни они принуждены были иначе отнестись въ народнымъ во-

Ген

ЛЪ Марк
венгерскі

БЕРТЬ.
венгерскі

Славкій (†)
гер. и по

ЯДВИГА
Кор. полк

цлямъ. Разсчитывая удовлетворить болѣе и болѣе раздражавшуюся чернь, сворѣе для формы рѣшили выбрать какого-нибудь римскаго кардинала ⁽²⁸⁾. Это былъ архіепископъ барійскій Бартоломео Преньяно. Джьанноне, основываясь на Панвинію, говоритъ, что избранный былъ не римлянинъ, а неаполитанецъ ⁽²⁹⁾. Тоже подтверждаетъ и Альбертусъ въ своемъ описаніи Италіи ⁽³⁰⁾. Виллани и нѣкоторые другіе утверждаютъ однако, что онъ родился въ церковной области, въ замкѣ Итри, слѣдовательно, недалеко отъ Гаэты ⁽³¹⁾. Этотъ пограничный пунктъ и послужилъ причиною разногласія. Положительно извѣстно только то, что долгое время Преньяно былъ преданнѣйшимъ слугою Авиньона, велъ дурную жизнь и не пользовался никакою популярностію въ Римѣ. Конклавъ наименовалъ его Урбаномъ VI. Народъ не могъ остаться довольнымъ такимъ избраніемъ. Происки другіихъ претендентовъ, честолюбіе которыхъ превѣшвало ихъ французскія привязанности, еще болѣе возбуждали оппозицію. Когда волненіе народа сдѣлалось до того грознымъ, что не шута потревожило спокойствіе избирателей, то кардиналъ di San Pietro высунулся въ окно и сталъ уговаривать матежную толпу. Народъ сворѣе всего желалъ видѣть своимъ владыкою этого кардинала, потому теперь радостнымъ возгласомъ приветствовалъ его появленіе. Раздалось: viva, viva S. Pietro! Онъ захлопнулъ окно и скрылся. Но въ ту же минуту ворота дворца рушились подъ ударами молотовъ и вооруженные люди ворвались въ залу конклава. Кардиналы бросились бѣжать; иные скрылись въ замкѣ Санъ-Анджело. Тогда же начался грабежъ въ городѣ; обирали и истребляли имущества французскихъ приверженцевъ; не щадили ничего, что только намекало о ненавистномъ Авиньонѣ. Двѣнадцать кардиналовъ уже на другой день исчезли изъ Рима; они бѣжали во Францію, чтобы тамъ провозгласить своего папу. Между тѣмъ въ конклавѣ происходили другія сцены; чернь схватила своего любимца, такъ не во время показавшагося въ окно, облекла его въ первосвященническія одежды и повлекла короновать.

⁽²⁸⁾ *Baluzius*; I, 1220—30.

⁽²⁹⁾ *Giannone*; III, 185.

⁽³⁰⁾ *Albertus. Descriptio totius Italiae. 1567. f. Col. (190).*

⁽³¹⁾ *G. Villani*; I. XII, c. 17.

Съ трудомъ старикъ вырвался изъ навязчивыхъ рукъ; онъ старался вразумить, что между нимъ и настоящимъ папою нѣтъ ничего общаго, что онъ не папа, и никогда не хочетъ быть папою. Съ трудомъ Урбанъ VI могъ возстановить порядокъ. Бывшій развратникъ, первый буянь, теперь твердою рукою захватилъ тиару. Онъ проклялъ бѣжавшихъ кардиналовъ и публично объявилъ, что только онъ одинъ законный папа, что прочіе, которые имѣютъ быть выбранными, самозванцы. Еще грознѣе разразился Урбанъ, когда узналъ, что въ Авиньонѣ дѣйствительно избранъ папа. Раскольническою тиарою облачили челоуѣка, слѣпо преданнаго французскимъ интересамъ, хотя родомъ нѣмецкаго аристократа, — Климента VII (20 сентября 1378 г.). Съ этой минуты началось раздѣленіе западной Церкви. Въ Римѣ послѣдовательно выбираютъ итальянцевъ, въ Авиньонѣ французовъ и нѣмцевъ. Такъ будетъ продолжаться до 1418 года, когда Костницкій соборъ разрѣшитъ общее недоумѣніе, низложивъ Мартина V. Итальянскіе писатели большею частію признавали и признаютъ юридическую законность за преемниками Урбана VI⁽⁸²⁾. Однако не всѣ европейскіе государи раздѣляли тогда подобныя убѣжденія. Многіе обратились въ Авиньону, причиною чего была самая личность Урбана VI. Это былъ упрямый, гордый и бесконечно щепетильный челоуѣкъ. Къ нему никто не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи. Иоанна I присылаетъ ему почетное посольство, проситъ его благословенія отъ имени всего королевства, а папа отвѣчаетъ ей дерзостями. Она посылаетъ вторично депутацію и на этотъ разъ даже своего мужа Оттона брауншвейгскаго; королева предлагаетъ полную покорность его святѣйшеству, а папа старается почему то уязвить посланнаго и унижить его при своемъ дворѣ. Онъ смотритъ на мужа королевы съ меньшимъ уваженіемъ, нежели на своего слугу; онъ съ намѣреніемъ долго заставляеть Оттона стоять передъ собою на колѣняхъ со стаканомъ въ рукѣ и ждать пока его святѣйшеству угодно будетъ испить и тѣмъ закончить пышную трапезу⁽⁸³⁾. Съ

⁽⁸²⁾ См. напр. *Albertus*; 190 и мн. др.

⁽⁸³⁾ Это разсказываетъ подробно секретарь Урбана *Theodorus Nicensis*, *hist. schism.* (*Giannone*, III, 189).

какимъ-то непонятнымъ презрѣніемъ онъ относится при каждомъ случаѣ къ Оттону и смѣется надъ королевою. Понятно, что такими поступками, онъ навсегда отвратилъ отъ себя Іоанну I, которая рѣшилась признать власть авиньонскаго первосвященника,—между тѣмъ, какъ народъ ея продолжалъ повиноваться римскому. Трудно понять, что руководило дикимъ раздраженіемъ Урбана VI. Его считаютъ сторонникомъ минувшихъ преданій римской куріи; ему приписываютъ желаніе возобновить ту вражду, о которой тогда даже забыли думать. Урбанъ продолжалъ смѣшивать Неаполь съ Германіей, забывая, что въ послѣднее время интересы папскіе и неаполитанскіе были и должны были быть нераздѣльны, что основнымъ и лучшимъ завѣтомъ куріи относительно южной Италіи было слѣпо слѣдовать Авиньону. По примѣру Іоанны, почти по тѣмъ же причинамъ, отложилось отъ Урбана нѣсколько мелкихъ итальянскихъ княжествъ. Въ самомъ Римѣ обнаружались раздоры. Замокъ Санъ-Анджело, куда удалились всѣ недовольные, сдѣлался центромъ туземной влерикальной оппозиціи. Его надо было брать штурмомъ. Что же касается до неаполитанскаго королевства, то оно вмѣстѣ съ пиринейскими государствами, съ Франціею, Шотландіею, Савойею рѣшительнымъ образомъ стало на сторонѣ авиньонскихъ первосвященниковъ и до тѣхъ поръ не признавало римской власти, пока не превратилось церковное разъединеніе. Прочіе же католическія земли, какъ Германія, Англія, Чехія, Венгрія, Польша, Пруссія, Данія, Швеція, Норвегія, а также большая часть городовъ Тосканы, Ломбардія и Романія,—признали Урбана VI единственно законнымъ первосвященникомъ.

Изолированнымъ положеніемъ Іоанны I, какъ нельзя лучше воспользовался Карлъ Дураццо для своихъ видовъ. Этотъ человекъ, безъ особенныхъ военныхъ и гражданскихъ способностей, съ страстнымъ нетерпѣніемъ стремился къ престолу, который обѣщала ему его родственница, королева. Бракъ ея съ Оттономъ былъ крайне неприятенъ для Карла. Опасаясь законнаго потомства, онъ рѣшился низложить королеву, заключивъ союзъ съ папою Урбаномъ VI. Оба они желали ея гибели; Урбанъ, чтобы будущаго союда имѣть въ своихъ рукахъ; Карлъ, чтобы скорѣе достичь престола. Для открытія борьбы, Урбанъ вызвалъ

Карла въ Римъ, но тотъ, вмѣсто ожидаемой арміи, могъ привести съ собою только сотню всадниковъ. Однако, не смотря на то, Урбанъ помазалъ герцога Дураццо королемъ неаполитанскимъ подъ именемъ *Карла III* и короновалъ его въ Римѣ (1 іюня 1381 г.). Надъ Іоанною I было произнесено проклятіе; она отлучалась отъ Церкви, низлагалась съ престола, а подданные ея избавлялись отъ клятвы въ вѣрности (**).

Такой дерзкой поступокъ папы вывелъ изъ себя Іоанну. Ею всецѣло овладѣло желаніе мести Урбану и его кліенту Карлу. И она, въ свою очередь, увлеклась до крайности, рѣшившись на дѣло, которое повергало въ нескончаемое междоусобіе всю южную Италію. Іоанна отправила пословъ къ Людовику, герцогу анжуйскому, брату только что умершаго французскаго короля Карла V. Она просила Людовика прибыть къ ней на помощь и за это давала ему роскошную награду. Она усыновляла его и отдавала ему неаполитанское королевство.

Эти новые Анжу происходили по прямой линіи отъ Людовика Святаго. Они получили въ левъ то самое графство, которое нѣкогда принадлежало первому неаполитанскому королю французскаго происхожденія. Замѣчательно, что наканунѣ того дня, въ который совершилось помазаніе Карла III, авиньонскій папа Климентъ VII, согласно желанію Іоанны, далъ Людовику такую же инвеституру на обладаніе Неаполемъ, какую Урбанъ VI вручилъ своему кліенту (30 мая 1381 г.). Молодой, всегда отважный и великодушный Людовикъ съ радостію принялъ предложеніе, бросилъ свое опекунство надъ Карломъ VI и въ восторгѣ пометѣлъ помогать названной матери....

Это обстоятельство послужило источникомъ безконечныхъ войнъ, ознаменовавшихъ собою конецъ XIV и начало XV вѣка въ итальянской исторіи. Когда всѣ попытки новыхъ Анжу остались безъ успѣха, когда родъ ихъ прекратился, то послѣдній изъ нихъ, умирая, завѣщалъ свои права на Неаполь царствующимъ королямъ Франціи. И вотъ Карлъ VIII, Людовикъ XII, Францискъ I, въ силу этого завѣщанія,

(**) *Raynaldi; a. 1380.—Costanzo; l. 7.*

начинают грабить Италию, сквозь кровавую призму показывают Европѣ ее, цвѣтущую въ отношеніи экономическомъ и духовномъ. Такимъ образомъ, знаменитыя по своему значенію итальяно-французскія войны, стоящія на рубежѣ средней и новой исторіи, явились необходимымъ результатомъ претензій анжуйскихъ принцевъ, которыя въ свою очередь, были слѣдствіемъ неосторожнаго и гибельнаго поступка Иоанны. Вооруженное вмѣшательство анжуйскихъ принцевъ въ внутреннюю исторію неаполитанскаго королевства служитъ первымъ актомъ великой военной драмы, длившейся до половины XVI вѣка. Потому-то это вмѣшательство, составляющее одно изъ главныхъ явленій избранной нами эпохи, можно считать прологомъ новой исторіи. Только съ этой точки зрѣнія оно имѣетъ право на вниманіе исследователя.

Необдуманное увлеченіе Иоанны поставило тронъ ея въ самое опасное положеніе. Подданные отшатнулись отъ нея. Имъ пріятнѣе было видѣть своимъ государемъ роднаго Дураццо, нежели чужаго француза, котораго они не знали и не любили. Людовикъ пользовался такою же непопулярностью въ народѣ, какъ авиньонскій папа Климентъ VII. Напрасно королева пригласила къ себѣ Климента, напрасно она сдѣлала ему торжественную встрѣчу, напрасно въ присутствіи многочисленнаго народа лобызала ноги папы,—ничто не могло склонить неаполитанцевъ на сторону французской крѣпости. Народъ мрачно смотрѣлъ на народныя приготовленія къ встрѣчѣ, на триумфальный въѣздъ папы, и въ тотъ же вечеръ уже кричалъ передъ дворцомъ: *viva rara Urhano!* Начался грабежъ „ультрамонтановъ“, какъ тогда назывались сторонники французской Церкви⁽³⁵⁾. И послѣ того королева не могла пріобрѣсть симпатіи народа ни благодѣяніями, ни царской щедростью, ни расточительнымъ путешествіемъ по государству. Национальное итальянское чувство громко заговорило. Оно же обѣщало вѣрную поддержку Карлу Дураццо, когда тотъ, желая силою завоевать престолъ, объявилъ войну королевѣ Иоаннѣ I и ея названному сыну Людовику анжуйскому.

(35) *Giorn. napol. Muratori. Scrp. XXI, 1040.*

Собственные силы Карла были слишкомъ незначительны, чтобы на нихъ можно было разсчитывать въ борьбѣ съ неаполитанскою короною. Матеріальное содѣйствіе папы было еще болѣе незначительно; надо было довольствоваться его духовною поддержкою. Но тогдашнія политическія обстоятельства Италіи, какъ нельзя болѣе, выручили Карла. Онъ воспользовался войсками короля венгерскаго, отправленными противъ Венеціи. Людовикъ (Великій) былъ еще живъ; продолжая мстить Іоаннѣ, онъ сдѣлалъ Дураццо своимъ главнокомандующимъ. Сюда же присоединились вооруженные отряды флорентійскихъ эмигрантовъ, которые въ большомъ числѣ бѣжали изъ своего отечества, обвиненные въ политическомъ заговорѣ противъ существовавшаго правительства. Они разсчитывали, что Карлъ впоследствии отблагодаритъ ихъ; они думали также, что одно приближеніе его ветерановъ къ стѣнамъ Флоренціи испугаетъ консуловъ и сенаторовъ республики. Другая партія эмигрантовъ присоединилась въ Болоньѣ къ отряду капитана Джъануццо салернскаго, очень неопаснаго, содержимаго на папскій счетъ. Флорентійская синьорія приняла свои мѣры. Она послала двухъ знатныхъ уполномоченныхъ къ Карлу, чтобы отклонить его отъ содѣйствія мятежникамъ; но посланники разсорились между собою и воротились безъ всякаго успѣха (**). Между тѣмъ во Флоренціи снова открылось два заговора, — Чиомпи и Альбицци. Всѣ знали, что ими руководили аристократы и богатые купцы, условившіеся овладѣть крѣпостями и замками республики; но правительство припесло въ жертву людей средняго класса и обвинило ихъ передъ судомъ. Пламенно выразилось народное негодованіе; чернь настаивала самымъ энергическимъ образомъ, чтобы казнили двухъ аристократовъ и прочихъ участниковъ. При этомъ народъ постоянно угрожалъ Карломъ и правительство дѣйствительно опасалось этихъ угрозъ, — что лучше всего показываетъ силы Дураццо. Теперь Карлу можно было смѣло выступить и противъ Іоанни и противъ Анжу. Джъануццо первый столкнулся съ французскимъ претендентомъ. Джъануццо, по приказанію Карла, переманилъ въ себѣ на службу: „компанію наем-

(**) *Ammirato*; 525.

никовъ св. Георгія^а. Съ ними онъ пошелъ на Болонью. Въ его собственномъ отрядѣ, состоявшемъ изъ одной пѣхоты, было триста наемниковъ и триста венгерцевъ. Тѣснимый соединенными непріятельскими силами, Людовикъ долженъ былъ отступить. Джануццо, преслѣдуя его, бросился на Тоскану, овладѣлъ многими замками и взялъ контрибуціи съ такихъ городовъ, какъ Сіена, Перуза, Лукка и Пиза. Флоренція была въ страхѣ; отовсюду доносились вѣсти о грабежахъ наемниковъ. Жители селъ и мелкихъ городовъ повидали свои жилища и укрывались въ крѣпкихъ замкахъ, подъ защитой гарнизоновъ,—что всегда дѣлалось въ военное время. Тогда же Карлъ, какъ начальникъ войска короля венгерскаго, началъ военныя дѣйствія противъ венеціанской республики. Разъединеніе силъ не помѣшало ему одолѣть Флоренцію; синьорія заплатила ему сорокъ тысячъ флориновъ контрибуціи. Сіенская республика также заплатила ему довольно большую сумму, именно одинадцать тысячъ флориновъ, только за то, чтобы онъ оставилъ ея владѣнія и не возвращался бы равнѣ шести мѣсяцевъ⁽⁸⁷⁾. Принимая каждый флоринъ того времени за четыре нашихъ рубля мы получимъ всю сумму контрибуціи равную 200 тысячъ рублей. Карлъ долженъ былъ заплатить деньги почти цѣлкомъ пацѣ въ счетъ стараго долга. Только тогда Дуратто могъ получить инвестиру на обладаніе неаполитанскою короною. Добывши деньги и славу, прочно обезпечивъ себя со стороны Венгріи, Рима и мелкихъ итальянскихъ

(87) Изъ неваданнаго документа въ *Arch. stor. ital. Fir. vecchia* reg. 1854; XV, p. 28,—статья *Canestrini*,—della milizia italiana del secolo XIII al XVI. Относительную рѣдкость металла для конца ореднихъ вѣковъ можно, какъ minimum, принять въ четыре раза противъ теперешней; о точности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Эта цифра принята *Sismondi*, *hist. des rép. it.* (VI, 44, nota, гдѣ надо, впрочемъ, исправить типографскую ошибку на *quatre*) и *Рошеромъ* (начала народнаго хозяйства; 1, 325, 327). Специальные сочиненія: *Leber* (*Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen âge*), *Carli* (*Del valore e della proporzione dei metalli monetati con i generi in Italia prima delle scoperte dell'indie*), *Heferich's* (*Von den periodischen Schwankungen im Werth der edlen Metalle*),—противорѣчивы и часто весьма ошибочны. *Schlösser* держится той же цифры.

государствъ, Карль съ своими бандами двинулся на Неаполь. Скучное финансовое состояніе королевства не позволяло Іоаннѣ нанять дорогихъ и сильныхъ генераловъ, начинавшихъ тогда торговать своимъ умомъ и своею кровью. Между тѣмъ коронное войско было очень незначительно и очень неискусно. Карль же, имѣвшій нѣкоторую опытность, маневрировалъ очень удачно. Начальникъ королевскихъ войскъ, Оттонъ Брауншвейгскій, безуспѣшно искалъ съ нимъ рѣшительной встрѣчи; онъ уже терялъ всякую надежду дать серьезную битву неприятелю. Наконецъ, утомившись маршами, Оттонъ расположился у самой столицы; онъ думалъ, что Карль подойдетъ къ капуанскимъ воротамъ. Но искусною диверсіею Карль зашелъ въ флангъ своего противника и показался съ совершенно противоположной, приморской стороны. При видѣ арміи Дураццо, ворота della Consugia, нѣмъ не охраняемая, отворились и единодушныя восторженныя восклицанія „viva re Carlo Durazzo, viva papa Urbano“! огласили воздухъ. Королева успѣшила удалиться въ Castel-nuovo. Она грустнымъ опытомъ убѣдилась, что подданные рѣшительно вооружены противъ нея. Карль осадилъ Іоанну въ замкѣ, между тѣмъ какъ Оттонъ, видя постоянную измѣну въ своихъ и безъ того слабыхъ войскахъ, отступилъ отъ города, оставивъ его такимъ образомъ въ полномъ обладаніи Карля (май 1381 г.). Праздники, пиры и пляски открылись въ городѣ въ честь новаго короля ⁽⁸²⁾.

Карль далъ Іоаннѣ четыре мѣсяца на размышленіе, предложивъ ей слѣдующія условія. Если Оттонъ этимъ временемъ успѣетъ побѣдить его, то онъ добровольно отказывается отъ престола; въ противномъ же случаѣ королева безъ всякаго сопротивленія обязуется сдѣлать его своимъ наследникомъ. Счастіе удивительно благоприятствовало Карлю; къ тому же онъ имѣлъ богатые средства. Безъ большаго труда онъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ Оттона. Дѣло происходило близъ Неаполя. Побѣда долгое время оставалась сомнительною. Оттонъ врубился въ середину враговъ и геройски про-

⁽⁸²⁾ *Giorn. nap.* XXI, 1041—44. Праздества особо помѣчены 10-го октября 1381 г. «Alli 10 de ottobre cominciarono a fare festa e giostre per Napole, e danze per causa del nuovo re.»

ложилъ себѣ путь до главнаго знамени. Овладевъ послѣднимъ, онъ рассчитывалъ произвести замѣшательство въ рядахъ непріятеля. Рискъ не увѣнчался успѣхомъ; Оттонъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ (ноябрь 1381 г.). Теперь сдалась и Джіованна, упрасивая Карла только объ одномъ,—дать полную амнистію ея приверженцамъ. Если Карлъ и обѣщаль, то, слѣдуя обычаемъ вѣка, не считалъ себя обязаннымъ приводить въ исполненіе просьбу королевы. Дурацко торжествовалъ вполне. Іоанна должна была издать манифестъ, по которому его назначала своимъ преемникомъ, а Людовика анжуйскаго торжественно лишала престолонаслѣдія.

Согласіе, вынуждаемое силою, не бываетъ искреннимъ. Вѣроятно, королева не переставала сноситься съ Франціею и съ Климентомъ VII. Это могъ заподозрить Карлъ. Извѣстно только то, что онъ распорядился заключить Іоанну подъ строгимъ присмотромъ въ замѣкъ Муру. Королева содержалась какъ плѣнница въ разлукѣ съ своимъ мужемъ, посаженнымъ въ другомъ замѣкъ. Впрочемъ Оттону Карлъ довѣрялъ болѣе и даже думалъ его освободить. Но этого не хотѣло допустить венгерское правительство, во всемъ руководившее Карломъ. Старый Людовикъ, уже смотрѣвшій въ могилу, все еще помнилъ гибель своего брата; ничто не могло примирить его съ Іоанной. Его мстительная натура требовала крови за кровь. Потому на вопросъ Карла, что дѣлать съ Іоанною, Людовикъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что за веревку надо отплатить веревкою. Карлъ и самъ подумывалъ объ этомъ и съ удовольствіемъ готовъ былъ исполнить желаніе своего повровителя. Два магната привезли въ Неаполь строгій наказъ короля венгерскаго и вмѣстѣ съ нимъ повелѣніе собственноручно исполнить приговоръ; они взялись быть только свидѣтелями казни. Іоанну задушили 22 мая 1382 г. Теперь же было приказано изъ предосторожности отрубить голову Маріи сицилійской (незаконной дочери короля Роберта); ее подозревали также въ убійствѣ Андря. Эта была та самая Марія, въ которую былъ влюбленъ Боккаціо и которой онъ посвятилъ свои лучшія стихотворенія.

Тѣло Іоанны съ явными признаками насильственной смерти было привезено въ Неаполь и поставлено передъ алтаремъ церкви di Santa Chiara, будто на показъ всему народу. Оно простояло тамъ въ какомъ-то пренебреженіи (in

abbandono) въ продолженіи семи дней. Тогда уже только похоронили несчастную королеву, которой отказали въ самыхъ обыкновенныхъ почестяхъ, воздаваемыхъ умершимъ^(*).

Н. О.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

(*) *Guijot*, hist. des Jeanes; 137—139. Срв. *Muratori*. *Annali d'Italia*, а. 1382 (XII, 302—303). Доказательства собраны у *Summonte*; II, 467. Замѣчательно, что авторъ *Giorn. nap.* не упоминаетъ про убійство Джіованны, а говорятъ: «mori la Regina Giovanna... Fo portato il suo corpo a Napole e posto nel mezzo del caro di S. Chiara in abbandono. e li stette sette di, che ognuno lo vedesse, e con tutto ciò erano molti, che non credevano, che fosse morta» (XXI, 1045).—Надъ уединенной гробницей Джіованны I находится слѣд. эпитафія:

«Inclita Parthenopis jacet hic Regina Ioanna

«Prima, prius felix, mox miseranda nimis,

«Quam Carolo genitam mulctavit Carolus alter

«Qua morte illa virum sustulit ante suum».

Довольно подробное изложеніе исторіи Іоанны I, кромѣ указанныхъ монографій, можно найти въ малозвѣстномъ сочиненіи *Giovanni Villano Napoletano*. *Chroniche de la Inclita città de Napole*. Nap. 1678. f.—обнимающемъ исторію неаполитанскаго королевства съ первыхъ временъ христіанства до Карла III.

НЕАПОЛИТАНСКІЕ ГОСУДАРИ

ВЪ XIV ВѢКѢ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИТАЛЬЯДСКОЙ ИСТОРИИ.

III.

(Окончаніе).

Вступая на престолъ, какъ креатура папы Урбана VI, Карлъ III, казался, долженъ былъ остаться лучшимъ и преданнѣйшимъ другомъ своего патрона. Но новый король неаполитанскій не принадлежалъ къ числу людей особенно благодарныхъ. Еще не успѣвъ прочно утвердиться на престолѣ, Карлъ сталъ уже съ меньшимъ почтеніемъ относиться къ римскому двору. Онъ не исполнилъ почти единственной просьбы Урбана VI. Этотъ папа, котораго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно считать предшественникомъ Юлія II, первый внесъ начала nepotisma въ стремленія римской тиары. Онъ хотѣлъ дать своему племяннику, князю Боттилло, города Капуя, Амальфи, Ночера и Скафа,—какъ независимое принципатство. Подъ именемъ племянниковъ (*pirote*) въ нашей исторіи надо большею частью разумѣть дѣтей перво-священниковъ. Развратный, уже сорокалѣтній Боттилло, былъ, вѣроятно, сынъ Урбана VI, который пропускалъ мимо ушей всѣ скандальныя подвиги князя, въ родѣ насилуванія монахинь и т. п. И понятно, какъ желалъ Урбанъ составить хорошее принципатство съ тѣмъ чтобы подарить его своему Боттилло. Но Карлъ, еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно ранѣе окончательнаго поворенія королевства, отказалъ самъ, между тѣмъ какъ имѣлъ полную возможность удовлетворить его просьбѣ. Тамъ, еще съ той поры, началась тай-

ная вражда между Карломъ и его бывшимъ покровителемъ, вражда, скоро превратившаяся въ смертельную ненависть⁽⁴⁰⁾. Тѣмъ опаснѣе для Карла должна была быть эта ссора, что она оставляла его безъ всякой поддержки въ той рискованной борьбѣ съ Людовикомъ анжуйскимъ, которая только благодаря внезапной смерти французскаго претендента кончилась такъ счастливо для Карла Ш.

Людовикъ, вторично выступая противъ Карла, имѣлъ по крайней мѣрѣ 15 тысячъ одной французской кавалеріи⁽⁴¹⁾. Когда онъ занималъ абруцскія высоты, то въ нему присоединилось еще нѣсколько неаполитанскихъ отрядовъ, организованныхъ изъ людей, недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей (17 іюля 1382 г.). Между неаполитанцами были всѣ тѣ, которые помнили несчастную Іоанну, которые искали случая отмстить убійцѣ. Тогда армія Людовика по всѣмъ вѣроятіямъ достигала до 30 тысячъ пѣхоты и кавалеріи. Анжуйскаго принца окружала блестящая свита высшей французской аристократіи. Это было въ маломъ видѣ нашествіе Карла VIII. Надо замѣтить, что весь Провансъ былъ за Людовика. Десять провансальскихъ и генуэзскихъ галеръ уже врейсировали у апулійскихъ береговъ. Большинство дворянства неаполитанскаго, на этотъ разъ болѣе чѣмъ когда нибудь, имѣло причины нарушить присягу и предаться французамъ. Внутреннее политическое состояніе королевства явно выразило тогда начало того дуализма, который послѣ долго и съ такою силою губилъ народъ неаполитанскій. Въ эту минуту впервые рѣзко обособились двѣ враждебныя партіи: Дураццо и Анжу, продолжавшія свое существованіе до полного умиротворенія государства, т. е. до второй половины XV вѣка. Потому такъ хорошо и шла дѣла анжуйскаго претендента, что они пытались внутренней разладицей королевства. Людовикъ зналъ, что междуособія лучше всего под-

⁽⁴⁰⁾ «A 24 de settembre il Principe Bottillo nepote del Papa, recerco al Re, che li desse la possessione de Capua, e non ce fo effetto, e per questo cominciò mala volontà fra il Papa et il Re Carlo (*Giorn. nap.* XXI, 4044)». Эта лѣтопись указываетъ только на Капуя, между тѣмъ какъ *Raynaldi* (1383) упоминаетъ еще другіе города.

⁽⁴¹⁾ Это самое меньшее число показано только въ анонимной *Chronica Estense* dall 1101 sino al 1393 (*Muratori*; XV, 508).

рѣжутъ Карла. Дѣйствительно, король долженъ былъ оставить Неаполь и отступить въ болѣе крѣпкую позицію, тогда какъ его соперникъ, въ самое короткое время, уже успѣвшій овладѣть всѣмъ побережьемъ адриатическаго моря, готовился занять столицу королевства. Въ это-то рѣшительное мгновеніе, среди полного упоенія своимъ торжествомъ, Людовикъ, послѣ непродолжительной болѣзни, умираетъ въ городѣ Биваліо, недалеко отъ Бари, на самомъ берегу адриатическаго моря⁽⁴²⁾. Онъ оставилъ наслѣдственные права своему сыну, извѣстному впоследствии подъ именемъ Людовика II.

Можно представить себѣ радость Карла, когда онъ получилъ вѣсть о смерти страшнаго соперника. Съ какою злобою онъ обрушился теперь на намѣнниковъ вельможъ и на папу. Ему некогда была даже принять мѣръ противъ ужаснаго бѣдствія, которое въ то самое время постигло городъ. Чума, такъ часто навѣщавшая среднія вѣка, похитила на этотъ годъ въ одномъ Неаполѣ до 17 тысячъ человекъ. Эта язва была отголоскомъ извѣстной бовкаччьевской чумы, истребившей незадолго передъ тѣмъ столько тысячъ жертвъ въ Тосканѣ и особенно во Флоренціи. Но если послѣдствія повальной язвы не бывали особенно ощутительны въ Италіи, то тѣмъ не менѣе странно видѣть равнодушіе лѣтописцевъ къ этому бичу среднихъ вѣковъ; у монархистовъ такое равнодушіе еще болѣе выдается въ глаза. Этотъ спокойный, невозмутимый тонъ высказываетъ несчастный бытъ народа въ средневѣковыхъ монархіяхъ, особенно же его бѣднѣйшихъ слоевъ; для республикъ существовали другія условія. И конечно, Карлъ III менѣе другихъ государей заботился о благѣ собственно народномъ. Его неудержимое личное тщеславіе не давало ему покоя. Съ замѣчательною рѣшимостью винулся онъ на папу, который, хотя и имѣлъ личное свиданіе съ королемъ въ Неаполѣ, бросалъ теперь Карлу рѣшительный

(42) Изъ словъ неаполитанскаго хроникера видно, что Людовикъ анжуйскій погибъ отъ напряженія силъ при защитѣ гражданъ базилійскихъ, подвергавшихся всѣмъ ужасамъ ярости остервенившихся солдатъ (*«e tanto questo giorno travagliò, che se ammalò gravemente, e a li 10 de Ottobri morì. Giorn. nar. 1052»*). Если это вѣрно, то Людовикъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ военачальниковъ суроваго вѣка.

виновъ. Для вида, Карлъ приглашалъ Урбана на вторичное свиданіе, упрекая его за удаленіе въ укрѣвленную Ночеру, которая сдѣлалась теперь главною причиною спора. Урбанъ отвѣчалъ, что не папы должны ѣздить къ королямъ, а короли къ папамъ. Разсерженный Карлъ велѣлъ передать папѣ, что если онъ своимъ мечемъ покорилъ цѣлое королевство, то вѣрно своимъ умомъ сумѣетъ управить имъ ⁽⁴³⁾. Урбану объявлялась рѣшительная война. Великій конетабль королевства, знаменитый кондотьеръ Альберико-да-Барбіано, этотъ отецъ итальянскихъ наемниковъ, — осадилъ Ночеру. Три высокія башни (*trabuchi*) для метанія стрѣлъ были поставлены противъ трехъ главныхъ пунктовъ вѣрностной стѣны. Но онѣ оказались бесполезными. Въ это время въ Италіи огнестрѣльное оружіе еще не вошло въ общее употребленіе, а безъ артиллеріи ничего нельзя было сдѣлать противъ ночерскихъ стѣнъ. Осада продолжалась восемь мѣсяцевъ. Урбанъ отлучилъ Карла отъ Церкви самымъ торжественнымъ образомъ. Каждый день три раза, онъ съ факеломъ и волокольчикомъ въ рукѣ, подходилъ къ окну своего дворца и громко кричалъ проклятіе осаждавшимъ его людямъ. Когда шестеро изъ его кардиналовъ (всѣхъ было 8 при дворѣ Урбана) начали уговаривать упрямаго папу покориться королю, то онъ велѣлъ предать ихъ пытѣй и самъ каждый разъ приходилъ любоваться ихъ мученіями; пытку нарочно повторяли ежедневно. Когда генуэзскій дожъ и два отважныхъ анжуйскихъ барона, — предложившіе десятковъ своихъ галеръ и 3 тысячи всадниковъ къ услугамъ папы, — выручили Урбана изъ Ночеры (іюль 1385 г.), то онъ ваялъ съ собою этихъ кардиналовъ и дорогою или передумывая ихъ или же въ мѣшкахъ побросалъ въ воду. Только одинъ англичанинъ спасся, благодаря заступничеству своего короля. Двое остальныхъ кардиналовъ до того испугались паньскаго гнѣва, что, по пріѣздѣ въ Геную, тотчасъ же убѣжали въ Авиньонъ и записались въ курію Климента VII ⁽⁴⁴⁾.

⁽⁴³⁾ «Regnum ipse illud sua virtute et viribus subjecisse, proinde, gregis sibi commisse et Ecclesiae curam susciperet. Regni autem, quod suum erat, administrationem sibi relinqueret». *Bonincontri*, ann. minist. ab 1360—1458 (*Mem.* XXI, 46).—Срв. съ *Giorn. nap.* (XXI, 1052).

⁽⁴⁴⁾ *Rayn.* 1386.—Отъѣздъ папы въ Геную по рукописнымъ документамъ, — *Bret. Geschichte von Italien*; IV, 59—60, nota.

Только одна иронія могла побудить итальянскихъ писателей именовать Карла III, мирнымъ. Ему не суждено было пробыть ни одного дня среди домашней спокойной обстановки. Онъ всю жизнь провелъ среди военного лагера. Въ одно и то же время онъ отбивался отъ нѣсколькихъ противниковъ. За войною съ анжуйскимъ претендентомъ послѣдовала война съ папою. Не успѣла кончиться эта кампанія, — его зовутъ на новые военные подвиги. Послы венгерскіе неожиданно предлагаютъ ему престолъ Людовика Великаго. Такое предложеніе было тѣмъ болѣе страннымъ, что у покойнаго короля осталась законная наслѣдница, его дочь Марія. Но партія магнатовъ желала непременно видѣть своимъ правителемъ опытнаго полководца, а не слабую женщину. Марія и ея мать Елисавета должны были уступить желанію своихъ сильныхъ противниковъ. Онѣ должны были даже привѣтствовать и обласкать Карла, когда онъ, съ искреннимъ удовольствіемъ исполняя желаніе депутатовъ, прибылъ въ Офенъ. Онѣ должны были, наконецъ, присутствовать при коронаціи своего соперника, ненасытное честолюбіе котораго никогда не принимало въ соображеніе ни чести, ни обстоятельствъ, ни даже непосредственныхъ выгодъ. Народъ венгерскій искренно сочувствовалъ жалкому положенію своей молодой королевы; онъ никогда не желалъ считать неаполитанскаго короля своимъ повелителемъ, тѣмъ болѣе тогда, когда видѣлъ, что въ томъ же соборѣ, позади Карла, стояли законныя наслѣдницы престола. Когда епископъ, исполняя старинный обычай, съ амвона трижды спросилъ народъ, согласенъ ли онъ признать вѣнчаннаго монарха своимъ королемъ, то невольное, общее чувство смущенія пробѣжало по рядамъ толпы, наполнившей всю соборную площадь. Въ первый разъ отвѣтили тихо, во второй еще тише, а въ третій разъ только нѣкоторые приверженцы Карла нарушили общее молчаніе своими робкими, одинокими криками. Когда процессія, послѣ совершенія коронаціи, выходила изъ церкви, знаменосецъ неосторожно зацѣпилъ въ дѣряхъ знаменемъ св. Стефана и гнилое древо знамени, пережившее нѣсколько столѣтій, раздробилось въ куски. Въ тотъ же день въ городѣ поднялся страшный вѣтеръ, скоро превратившійся въ бурю; заблестала гроза; раздались перекатные удары грома. Страшная буря забушевала въ Офенѣ; она срывала кровли съ домовъ; повывала деревья съ кор-

немъ. Лишь утихла буря, какъ стая черныхъ вороновъ съ крикомъ окружила дворецъ королевскій и какъ бы назвала бѣду. Все это было принято суевѣрною толпою за дурное предзнаменованіе. Скоро оправдалось предчувствіе народа.

Одинъ изъ небогатыхъ дворянъ венгерскихъ, вѣсто Николай Гарскій, вызвался быть руководителемъ недовольныхъ. Онъ поклялся передъ Елизаветой, что возвратитъ чужеземца. Былъ составленъ заговоръ; его искусно держали въ тайнѣ. Когда наступило время дѣйствовать, то Марія приказала просить короля въ свой дворецъ, подъ предлогомъ сообщить ему что-то важное. Карлъ пришелъ. Ему показали письмо короля чешскаго Сигизмунда, въ которомъ тотъ предлагалъ Маріи свою руку. Не успѣвъ Карлъ сказать нѣсколько словъ, какъ вошелъ въ комнату Николай и съ нимъ силачъ, вѣстный по всей Венгріи. Послѣдній выхватываетъ свою тяжелую саблю, бросается на безоружнаго Карла и однимъ ударомъ повергаетъ его смертельно раненаго на землю (февраль 1386 г.). Тотчасъ же заговорщики наполнили дворецъ, побѣжали по улицамъ и всюду пронесли общій лозунгъ: „да здравствуетъ Марія, дочь Людовика, да здравствуетъ Сигизмундъ, ея супругъ“. Другіе кричали: „смерть Карлу и всѣмъ измѣнникамъ“. Но король былъ еще живъ; раненнаго его перенесли на Вышградъ. Тамъ онъ лежалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ; тамъ до него доходили вѣсти, какъ вездѣ рѣжутъ его итальянцевъ. Лѣтомъ (3 іюня 1386 г.) король скончался, но не отъ раны, а отъ яда⁽⁴⁵⁾.

Эта катастрофа повергнула въ анархію и Венгрію и Неаполь. Смугилась Маргарита, жена Карла, когда получила роковую вѣсть о смерти своего мужа. Она теперь оставалась правительницею королевства и опекуншею надъ двумя дѣтьми убитаго,—Джіованню и Владиславомъ. Имъ обомъ суждено было носить корону, хотя наступавшія политическія событія не слишкомъ благопріятствовали утвержденію династіи Дураццо на неаполитанскомъ престолѣ. Партія новыхъ Анжу заговорила теперь самымъ повелительнымъ тономъ и приняла угрожающее положеніе. Къ ней примк-

⁽⁴⁵⁾ Всѣ эти подробности рассказаны венгерскимъ историкомъ *Johannes de Thurocz*, *hist. Caroli Parvi* (*Sismondé*; V, 271—273).—*Guijot*; 152—154.

нули многіе сильнѣе аристократы (какъ напр. князья *Sau-Severino* и др.) и между прочимъ Оттонъ брауншвейгскій, вдовецъ Иоанны I, выпущенный Карломъ на свободу и теперь открыто переходившій во враждебный лагерь. Эти анжуйцы провозгласили королемъ сына Людовика I,—Людовика II, также еще несовершеннолѣтняго, и также еще находившагося подъ опекою своей матери Маріи. Надъ однимъ королевствомъ явилось два короля, двѣ регентши и два правительства. Что дѣлалось въ Неаполѣ, то перенималось въ Провансѣ. Маргарита короновала королемъ своего десятилѣтняго *Владислава* (25 февраля 1387 г.); то же сдѣлала и Марія съ Людовикомъ II. Маргарита умоляла Урбана VI быть опорою ея сына и забыть свою вражду; такъ же хлопотала Марія за своего сына передъ авиньонскимъ папою Климентомъ VII. Замѣчательно, что Урбанъ не только склонился на женскія просьбы, но даже въ знакъ своего примиренія прислалъ регентшѣ 20 тысячъ дукатовъ на наемъ хорошихъ кондотьеры для войны съ Анжу. Маргарита, кромѣ того, по совѣту своихъ министровъ, наложила большія подати на всю страну съ тою же военной цѣлью. Понятно, что всеобщее неудовольствіе было отвѣтомъ на такую мѣру. Страна уже и такъ истомилась отъ постоянныхъ налоговъ, отъ безконечныхъ войнъ. Неаполитанскіе подданные не знали того, что имъ еще теперь только предстоитъ ознакомиться серьезнымъ образомъ со всѣми тяготами подобной жизни. Съ этой минуты идетъ нескончаемая военная передрага для неаполитанскаго королевства, составляющая сущность всей его исторіи до 1443 года.

Однако финансовыя и военныя проекты Маргариты очень не нравились неаполитанцамъ. Простой народъ положительно не видѣлъ никакой цѣли въ этой рѣзнѣ, которая была въ его глазахъ результатомъ личнаго честолюбія коронованныхъ лицъ. Однихъ возрѣній съ народомъ было мелкое дворянство. Развѣ только знатные бароны понимали въ чемъ дѣло и потому они служили главнымъ осмысленнымъ факторомъ борьбы. Оттого противъ нихъ составила оппозиція, составъ которой напоминаетъ по идеѣ корпоративное сословіе. Мы рѣшаемся, по крайней мѣрѣ для Неаполя, назвать эту минуту,—первымъ проявленіемъ жизненности средняго сословія, первымъ началомъ борьбы обществен-

ныхъ слоевъ. Торговое, т. е. внешнее, и дворянское, т. е. среднее сословіе, подають другъ другу руку для сопротивленія насильственному наперу аристократіи, т. е. высшаго сословія. Два означенныя сословія берутся контролировать правительство, состоявшее изъ знатныхъ бароновъ. И регентша утверждаетъ ихъ мѣру. Такимъ образомъ организовалось новое собраніе изъ восьми гражданъ,—*Otto Signori del Vuono Stato*, поставившее свою обязанностью наблюдать, чтобы министры королевскіе не дѣлали несправедливостей⁽⁴⁶⁾. Марія анжуйская, желая польстить массѣ и тѣмъ привлечь ее на свою сторону, придумала такое же совѣщательное собраніе только съ тою разницею, что оно было составлено не изъ восьми, а изъ шести человѣкъ: *Sei Deputati del Vuono Stato del Regno*. Конечно, авторитетъ новыхъ Совѣтовъ скоро вѣдъ перевѣсъ надъ авторитетомъ министровъ и поватно, что тогда же начался беспорядокъ въ государственной администраціи; кругъ дѣйствій двухъ правительственныхъ факторовъ не былъ ни разграниченъ, ни ясно опредѣленъ, такъ какъ они явились лишь результатомъ временной потребности. Это одинаково относится какъ къ партіи Анжу, такъ и къ партіи Дураццо. При такой-то внутренней разладѣ открылась рѣшительная война между двумя партіями.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ неаполитанскихъ бароновъ, Санъ-Северино, является предводителемъ анжуйской арміи, приплывшей на галерахъ къ Неаполю. Французы не жалѣли денегъ и щедрость была главною, едва ли не единственною причиною ихъ громаднаго успѣха. Въ короткое время было роздано до 25 тысячъ дукатовъ. Золото открыло путь къ столицѣ. Скоро анжуйцы уже овладѣли Неаполемъ, взяли присягу съ клятвою королю Людовику II. Маргарита съ Владиславомъ должны были переселиться въ Гаэту. Это совершилось такъ внезапно, что никто не хотѣлъ вѣрить въ торжество французской партіи. Между тѣмъ голубыя лиліи на *Castel-nuovo* положительно убѣждали, что теперь королемъ неаполитанскимъ не Владиславъ, а Людовикъ II. Но ни Маргарита, ни Владиславъ, ни ихъ партія нисколько не думали отказаться отъ власти. Теперь *de facto* соверши-

(46) *Aversaro da prevedere, che da Ministri del Re non si avesse a far cosa ingiusta. Giann. III, 210.*

лось политическое распадение королевства. Столицей новой анжуйской половины дѣлался Неаполь; мѣстопробиваніемъ людей стараго порядка, Гаэты. Какъ прежде королевство Обѣихъ Сицилій при появленіи Анжу распалось на островъ и материкъ, такъ теперь, благодаря тѣмъ же Анжу, самый материкъ грозилъ навсегда раздѣлиться на двѣ части. Но этого не случилось. Раздѣленіе продолжалось только до 1400 года, впродолженіе 13 лѣтъ. Оно должно было непремѣнно прекратиться, такъ какъ новыя анжуйцы не имѣли прочной опоры въ народѣ, не имѣли почвы подъ ногами; владѣтельство ихъ не могло быть болѣе какъ мимолетнымъ. Когда Владиславъ вернулся въ свою настоящую столицу, то онъ не преминулъ жестоко наказать тѣхъ, которые содѣйствовали торжеству Людовика (*). Конечно, этимъ онъ не могъ уничтожить противную партію, которая продолжала существовать до тѣхъ поръ, пока оба враждебные лагеря не соединились въ одномъ аррагонскомъ станѣ.

IV.

Владиславъ утвердился въ Неаполѣ уже тогда, когда ему было около 25 лѣтъ. Всю свою юность ему пришлось провести среди безпорядковъ и гражданскихъ междоусобій, что не могло не отразиться на развитіи его характера, явившагося прямымъ слѣдствіемъ окружающей безурядицы. Изъ Гаэты онъ постоянно ѣздилъ въ Римъ на поклонъ двумъ папамъ Урбану VI и Бонифацію IX, ухаживалъ за ними и потомъ, когда достигъ самостоятельнаго положенія, сдѣлался первымъ врагомъ римской куріи. Эта двуличность вмѣстѣ съ жаждою не столько честолюбія, сколько наслажденій, была главною стороною его характера. И странная судьба:—и отецъ и сынъ, оба были наказаны за свои страсти. Если отецъ погибъ за свое честолюбіе, то сыну суждено было поплатиться жизнью за свою чувственность. Аммирато находитъ въ Владиславѣ много

(*) *Cronache di Antonello Coniger, gentiluomo Leccese (Raccolta di vari documenti alla storia di Napoli; V, 9).* «Re Ladislao di Sicilia con lo Principe Raynardo Principe di Taranto, e Conte di Lecce fero morire lo Duca de S. Marco, lo Duca Venosa, lo Conte di San-Severino, lo Conte di Thuroo, Messere Malacarne di S. Severino, Conte de Caperrono, lo Conte di Ugento con tutti loro seguaci (a. 1398)».

хорошихъ качествъ, но если флорентійскій историкъ говорить, что Владиславъ былъ великъ душою, то тутъ же прибавляетъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ безчеловѣченъ (*grande e feroce animo*). Можно согласиться, что онъ былъ смѣлый солдатъ, но онъ не былъ ни великимъ человекомъ, ни замѣчательнымъ правителемъ. У него не было принциповъ чести. Онъ съ удовольствіемъ унижался, если того только требовала выгода, хотя даже не государственная. Какъ хвастливый мальчикъ, онъ гордился атеизмомъ. Циникъ въ душѣ, онъ старался казаться эпикурейцомъ. Онъ былъ великъ болѣе на мелкіе подвиги; тогда проявлялась и его твердость и его настойчивость, что въ другихъ случаяхъ выражалось скорѣе жестокостью, которую даже расположенные въ нему писатели называютъ, — *crudeltà, più che barbara* (**). Храбрый солдатъ, онъ былъ плохой полководецъ; для этого ему недоставало ни знаній, ни хладнокровія (**). Какая то страстная, порывистая дѣятельность брѣсала его отъ одного замысла къ другому, отчего они всегда выходили мало обдуманны. Это былъ яркій контрастъ Роберту, которымъ мы начали эти очерки; какъ тотъ хранилъ свои планы и долго сдерживалъ ихъ, думая больше выиграть, такъ Владиславъ какъ бы торопился предупредить событія. Оттого его время такъ богато фактами для политической исторіи Неаполя; онъ не имѣлъ и года отдыха отъ военного шума. Для мирныхъ, гражданскихъ подвиговъ онъ не былъ созданъ и потому въ неаполитанской исторіи не могъ имѣть значенія Карла II или Роберта. За то при немъ ярко выяснились политическіе

(**) *Ammirato* (659) дѣлаетъ изъ Владислава воплощеніе «principis» Макиавелли. «*Con virtù o imagini di essa havea accoppiato vitii enormissimi; ma i quali da'nimici il rendevano più sospetto e più tremendo,—non osservanza di promesse, non temenza di religione, libidine sfrenata e crudeltà più che barbara. Le quali cose nondimeno sapeva ottimamente riceprire ove il bisogno il richiedesse, con maraviglioso artificio gli altrui appetiti secondando.*»

(**) *Muratori*. *Annali d'Italia* (XIII, 23). «*Nel mestier della guerra pochi gli andavano innanzi; al che non gli mancava coraggio, sapienza e vigilanza. Parve in lui più tosto ombra, che sostanza di Religione; minore tuttavia venne provata in lui l'osservanza delle promesse; e sfrenata poi la libidine, per cui massimamente in Roma commise molti eccessi, e da cui infine fu condotto a morte nella metà dell'ordinaria vita degl'huomini (a. 1414).*»

планы анжуйской династии и ее место в итальянской истории, где онъ стоитъ рядомъ съ Джіованни-Галеаццо, котораго Владиславъ не имѣлъ положительности и сосредоточенности послѣдняго. При его воинственныхъ стремленіяхъ не процвѣтали умственныя силы страны; стремленіе быть королемъ Италіи поглощало его цѣлкомъ. Позамѣчанію одного довольно извѣстнаго нѣмецкаго историка, онъ домогался еще большаго, — онъ стремился къ императорской коронѣ (**). Все это стоило громадныхъ затратъ на наемниковъ, что очень плохо отзывалось на финансовомъ состояніи королевства. Для военныхъ издержекъ, почти не прерывавшихся, надо было продавать города и замки или отдавать ихъ на откупъ, — отъ чего уменьшились государственныя доходы. Начали продавать патенты на титулы, чтобы добыть денегъ, въ которыхъ такъ нуждается правительство. Потому-то при Владиславѣ до невѣроятныхъ размѣровъ возросло число бароновъ, графовъ, князей и разныхъ титулованныхъ лицъ. — Такова была личность Владислава, сложившаяся отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ политическихъ условій, которыя окружали его въ юности. Въ продолженіи 14 лѣтъ онъ долженъ былъ защищать свои наследственныя права то нравственною, то физическою силою, то перомъ, пока не было средствъ иныхъ, болѣе же мечомъ. Часто онъ долженъ былъ держаться выжидательнаго положенія. Рѣшительныхъ дѣйствій нельзя было ожидать отъ него долгое время потому, что средства его были пока слишкомъ незначительны въ сравненіи съ средствами Людовика. Однако въ 1400 г. онъ одержалъ верхъ и вытѣснилъ Людовика. Мы прямо переносимъ дѣйствіе въ это событіе, чтобы потомъ заняться фазисами борьбы, веденной Владиславомъ за итальянское единеніе. Если личность его является тутъ темною, то дѣло было весьма исторично. Хотя по времени эти событія относятся къ другому вѣку, но по духу своему имѣютъ тѣсную связь съ содержаніемъ настоящей статьи.

Бропотливая и всегда вѣрная хроника, называемая „*Giornali napoletani*“, такъ описываетъ удаленіе Людовика II анжуйскаго и утвержденіе власти Владислава I въ Неаполѣ.

(**) *Becker. Weltgeschichte* herausgegeben von Löbell (1844) — nicht nur nach dem Besitze von ganz Italien, sondern auch nach der Kaiserkrone (VI, 27). — О тягостяхъ народа и мѣрахъ правительства *Giornali napoletani* (XXI, 4075).

„1400 года 2 іюля король Ланцилао (или Владислава на неаполитанскомъ нарѣчїи) прибылъ съ 4 галерами въ Калабрию, и тамъ имѣлъ свиданіе съ герцогомъ (Людовикомъ). Между ними и князьями Санъ-Северино произошло соглашеніе. Съ этой поры король овладѣлъ всею страной“.

„На 9 іюля король Ланцилао прибылъ моремъ на галерахъ въ Неаполь. Тогда сошелъ на берегъ Messer Gorriello Anigilia и въ церкви св. Петра мученика были заключены условія, по которымъ Неаполь сдался королю Ланцилао. Это было въ среду вечеромъ. Король во весь этотъ вечеръ не хотѣлъ сходить на берегъ, а принималъ многихъ неаполитанцевъ у себя на галерахъ. Наступилъ четвергъ и съ большимъ торжествомъ совершился въѣздъ въ Неаполь; въ королевской эскадрѣ было 5 галеръ и 2 галліота. Messer Carlo (братъ и намѣстникъ Людовика анжуйскаго), узнавши о переговорахъ между королемъ Ланцилао и неаполитанцами, заперся въ Castiello nuovo. Король Ланцилао, пробывши только одинъ день въ Неаполѣ, опять сѣлъ на галеры и пошелъ въ Гаэту, оставивъ одну изъ галеръ въ Неаполѣ въ распоряженіе Messer Floridano Latro de Napole, котораго назначилъ намѣстникомъ (vicere). Вся страна, понимая что король Ланцилао утвердился въ Неаполѣ, сдалась ему. Капуанскій замокъ тотчасъ же покорился, не смотря на то, что мессеръ Флоридано былъ тамъ намѣстникомъ. Трабуано аверскій началъ осаду Кастель-ново, гдѣ сидѣли мессеръ Карлъ и нѣсколько провансальцевъ съ французами, преданными королю Людовику (Loise)“.

„Въ концѣ іюля или началѣ августа, король Ланцилао вернулся въ Неаполь и тогда-то начались по всему міру злыя болѣзни (li granchi); чума дошла и до Неаполя, гдѣ истребила 16 тысячъ человѣкъ. Вслѣдствіе этого, король Ланцилао, мать и сестра его, удалились въ Граньяно, а оттуда въ Соренто. Только къ концу сентября, всѣ они вернулись въ Неаполь, гдѣ поселились въ Кастель-Капуано. Тамъ они жили до января мѣсяца 1402 года, а послѣ уѣхали въ Салерно“.

„Король Лудовикъ, видя себя осмѣяннымъ Санъ-Северино и оставленнымъ всѣми, потерявши Неаполь, продалъ Тарентъ (своей послѣдній оплотъ) Рамондѣлло, который сдѣлался такимъ образомъ законнымъ сеньоромъ. Тогда онъ сошелъ на свою эскадру и со всѣми галерами и кораблями,

ваніе у него были, направился въ Капри; тамъ онъ поговорилъ съ королемъ Ланцилао, взялъ брата, велѣлъ сдать Капаль-ново, и отправился въ свою родную, старую Францію. Король Ланцилао остался государемъ всего королевства.

26 января 1401 года изданъ былъ указъ о созваніи парламента на апрѣль мѣсяцъ. И все бароны и синьоры королевства съѣхались, кромѣ нѣкоторыхъ (слѣдуетъ перечень). Засѣданія происходили въ неаполитанской церкви Santa Chiara“.

Въ концѣ апрѣля отправился король съ войскомъ въ Калабрию звать тѣхъ бароновъ, которые не оказали повиновения. Онъ съ ними сдѣлалъ все что хотѣлъ (e con questo hebbe ogni cosa), и не могъ только одолѣть Котроне и Реджио, владѣнія графа Катанцаро, который остался вѣрнымъ королю Людовику до того, что ни хотѣлъ никогда видѣть короля Ланцилао. Назначивъ Брокка наместникомъ Калабріи, король Ланцилао вернулся въ Неаполь“ (61).

Впрочемъ, и эти стойкіе противники не могли доставить надежной опоры анжуйской партіи, которая, за отсутствіемъ Людовика, скоро совсѣмъ сгладилась въ королевствѣ. Владиславъ, неограниченный монархъ, неограниченный до того, что пренебрегаетъ даже обыкновенными человѣческими законами, обращаетъ все свое вниманіе на территориальное расширеніе королевства. Онъ деспотъ и въ государствѣ, деспотъ и въ семьѣ. Ему не нравилось, что его жена происходила не изъ королевской врови. Изъ за такой прихоти, онъ разводится съ нею. Торжественно развѣнчана была молодая и добрая Констанція, дочь сицилійскаго правителя, Манфредо да-Кіарамонте. Владиславъ, по совѣту своей гордой матери Маргариты, отправился въ Римъ къ святѣйшему отцу, получивъ отъ него разводную грамоту и возвратился въ Газту въ сопровожденіи одного епископа. Это было еще въ те время, когда королевская резиденція была въ Газтѣ. Констанція, не предчувствуя что случится съ нею, въ слѣдующее воскресенье пошла съ своимъ супругомъ въ церковь въ обѣднѣ. Вдругъ, по окончаніи литургіи, епископъ громко прочиталъ папскую разводную грамоту, потомъ сошелъ съ

(61) *Giornali napoletani* (XXI, 1067) приводитъ перечень вѣрныхъ Людовику бароновъ, еще долго оказывавшихъ сопротивленіе Владиславу.

амвона, приблизился къ королевѣ, потребовалъ отъ нея назадъ обручальное кольцо, и отдалъ его королю. Оскорбительнымъ тономъ приказали несчастной Констанціи оставить дворецъ; ее перевезли въ особый маленький домикъ, гдѣ дали ей двухъ служителей и поручили подъ присмотръ старой дамѣ. Изъ дворца ей ежедневно приносили кушанье, какъ милостыню. Такое публичное оскорбленіе возбуждало всеобщее негодованіе народа, выразившееся громкимъ сочувствіемъ къ несчастному положенію добродѣтельной королевы. Какъ нарочно, огненные столпы явились на небѣ. Въ низъ народъ видѣлъ дурное предзнаменованіе грядущимъ бѣдствіямъ. Только одна Констанція перенесла свое горе съ удивительною покорностью. Она была поворна даже тогда, когда ей велѣли выдти замужъ за одного изъ приближенныхъ королевскихъ, графа Андрея Капуанскаго. Парадный кортежъ невесты проѣзжалъ большую городскую площадь. Королева, собравшись съ духомъ, обратилась къ графу Андрею и произнесла: „графъ Андрей Капуанскій! Ты можешь себя считать счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ; ты будешь имѣть своею наложницею королеву Констанцію, супругу короля Ланцисла!“ Но тутъ она не выдержала и залилась слезами ⁽⁵²⁾.

Владиславъ послѣ того вступалъ два раза въ бракъ: съ Марією, дочерью кипрсаго короля, и съ принцессою тарентскою ⁽⁵³⁾. Эти браки удовлетворили его королевское честолюбіе, но не дали ему потомства. Бездѣтный, принужденный передать престолъ своей сестрѣ Иоаннѣ, онъ долженъ былъ винить только собственное безсиліе. Онъ отличался развратомъ между всѣми королями. Не ограничиваясь множествомъ официальныхъ любовницъ, которыя содержались при дворѣ, онъ, проѣздомъ черезъ города, не переставалъ заводить любовныя связи и увеличивалъ число своихъ побѣдъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи только однимъ побужденіямъ своей чувственной натуры. Такая страсть къ женщинамъ послужила

⁽⁵²⁾ *Giorn. nap.* 1065.

⁽⁵³⁾ Есть предположеніе, что Владиславъ и со второю женою развелся точно также, какъ и съ первою. «Non so, se viva ancor fosse, o morta questa seconda moglie, allorchè egli s'offerse disporre la vedova principessa di Taranta, per riunire in questo modo quel principato alla sua corona» (*Demina*; II, 442).

причиною его смерти. Она владѣла имъ вмѣстѣ съ воинственностью, которая точно также не сообразовалась съ силами, какъ и его сладострастіе.

Оружіе Владислава кидалось во всѣ стороны, какъ будто не насыщаясь ничѣмъ. Конечно, оно было на столько бессмысленно, что не могло сдѣлаться опаснымъ для Европы, но, во всякомъ случаѣ, оно произвело сильное вліяніе въ предѣлахъ Италіи. Венгерскій походъ 1403 года, который былъ его первымъ подвигомъ въ военномъ дѣлѣ, кончился неудачно. Но его римскія войны, продолжавшіяся почти непрерывно до самой смерти, беспокоили полуостровъ тѣмъ болѣе, что девизъ короля „aut Caesar, aut nihil“ слишкомъ напоминалъ самовластные стремленія диктатора. Тогда, тѣ же стремленія, почти при одинаковыхъ условіяхъ, высказывались съ сѣвера. Какъ съ того, такъ и съ другаго конца, они необходимо должны были сойтись въ одной точкѣ и этою точкою должна была быть Флоренція,—республика между двумя монархіями. Повторился физическій законъ рычаговъ. Точка осталась неподвижною. Какъ о скалу, разбивались о нее волны деспотизма.

Когда послы венгерскіе пріѣзжали въ Неаполь просить Владислава принять корону своего отца Карла, то они какъ нельзя болѣе угодили желанія честолюбиваго короля. Послѣ смерти Маріи, венгерскіе бароны, не любившіе нѣмцевъ, не хотѣли повиноваться Сигизмунду и лучше желали видѣть на престолѣ итальянца Владислава, забывая, что народъ одинаково нерасположенъ въ чужимъ влстителямъ той и другой націи безразлично. Хотя Владислава и соблазняла венгерская корона, однако онъ помнилъ страшную участь своего отца, застигнутого народною ненавистью среди чужихъ, въ полуденной странѣ. Потому, согласившись на предложеніе посольства, онъ не рѣшился однако прямо ѣхать въ Пешть, а остановился въ городѣ Зарѣ, принадлежавшемъ тогда Венгріи. Случилось, что его солдаты и матросы пошли за виноградомъ и, конечно, нисколько не стѣсняясь, начали самовольно распоряжаться чужимъ добромъ. Владѣльцы садовъ, раздосадованные такимъ нахальствомъ, велѣли бить незваныхъ гостей. Среди свалки и суеты убито 20 итальянцевъ; остальные разбѣжались. Успѣхъ и кровь еще болѣе раздражили толпу. Съ оружіемъ въ рукахъ неустово ворвались далматынцы во дворецъ Владислава; въ толпѣ

громно кричали будущему королю своему, что если онъ не уйметъ своихъ людей, то они сами распорядятся съ ними, такъ какъ у нихъ нѣтъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ оружьи. Эта выходка смутила короля окончательно. Она отняла у него всякую охоту быть государемъ Венгрии, хотя онъ уже успѣлъ короноваться (5 августа 1403 г.). Владиславъ не хотѣлъ однако со стыдомъ и съ пустыми руками уѣхать изъ Далмаціи. Если онъ и желалъ титула короля Венгрии и долго не разставался съ нимъ, то во всякомъ случаѣ искалъ торжества болѣе вещественнаго, болѣе осязательнаго, для вознагражденія трудовъ и издержекъ предпріятія. Совѣстно было человѣку съ его характеромъ возвращаться на родину не только безъ лавръ, но даже безъ всякаго успѣха. Въ такомъ-то настроеніи застигло его предложеніе венеціанскаго сената купить Зару для республики. Съ радостью продалъ Владиславъ чужой городъ за 100 тысячъ дукатовъ правительству, которое смотрѣло на людей и на города такими же глазами, какими покупатель смотритъ вещи на аукціонѣ. Страшные Совѣты этой средневѣковой Спарты съ своимъ деспотизмомъ составляли полный контрастъ тому гуманному духу, который одушевлялъ правительство флорентинской республики, во всѣхъ отношеніяхъ напоминавшей греческія Аѳины. Совершивъ удачную сдѣлку, Владиславъ возвратился въ Неаполь (7 ноября 1403 г.), гдѣ тотчасъ же сталъ обдумывать свой планъ покоренія Италіи. Его томилъ непреодолимое желаніе соединить весь полуостровъ и сдѣлаться королемъ итальянскимъ. Но ни его личность, ни его средства не годились для того, чтобы привести такую великую мысль въ исполненіе.

Извѣстно, что надъ этою идеею бился и разбивался лучшее умы Италіи всѣхъ вѣвовъ, хотя въ ней различно относятся и относились исследователи итальянской исторіи. Иные считаютъ роскошное развитіе республиканской жизни полуострова въ средніе вѣка достаточнымъ вознагражденіемъ за политическое разледиженіе, другіе, нападая на папъ, главнымъ образомъ ставятъ имъ въ вину то сопротивленіе, какое они оказали унитарнымъ стремленіямъ первыхъ лангобардскихъ князей (*).

(*) Объ этомъ вопросѣ мы будемъ говорить подробнѣе въ очеркахъ средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ.

Думаемъ, что тѣ и другіе, имѣя за себя извѣстныя историческія основанія, слишкомъ поторопились применить къ крайнему возрѣнію. Монархія итальянская ничего не потеряла бы, если бы возникла въ описываемое время; самая эпоха Владислава была для того вполне благоприятна; единение явилось бы тогда результатомъ средневѣковой жизни, которая могла дать итальянской исторіи богатое внутреннее содержаніе. Мѣстная враждебность не была на столько сильна, чтобы могла помѣшать возрожденію національности, конечно, въ такомъ только случаѣ, если представителемъ унитарности явился бы какой нибудь могучій дѣятель и уже никакъ не Владиславъ неаполитанскій.

Этотъ король считалъ необходимою начать свои операціи непременно съ папы, котораго хотѣлъ лишить его владѣній. Тотчасъ же по окончаніи венгерскаго похода, онъ приступилъ къ дѣлу покоренія церковной области. Достаточно прочесть нѣсколько страницъ изъ мемуаровъ Аретина, чтобы ясно нарисовать себѣ всю картину страшной безурядицы и кровавыхъ междоусобій, какая застала Римъ подъ вонецъ властвованія Иннокентія VII (*). Папа, вѣроломно поступившій съ народными депутатами, долженъ былъ бѣжать отъ ярости черни въ Витербо (1405 г.). Покидая свою столицу, онъ оставлялъ ее въ жертву непримиримыхъ страстей аристократіи и черни. Колонна и Савелли послали просить помощи Владислава, который, съ небольшимъ войскомъ, стоялъ недалеко отъ Рима. Неаполитанцы быстро заняли вѣчный городъ и однимъ появленіемъ укротили народъ, который уже совершенно успѣлъ стѣснить солдатъ, нанятыхъ аристократами. Джанноне ошибочно говоритъ, будто народъ пригласилъ Владислава; въ такомъ предложеніи нѣтъ ничего

(**Arctinus*, *reg. gest. comment.* XIX, 920—924. Этотъ государственный человѣкъ слѣд. образомъ отзывается о характерѣ стремленій Владислава: «*Mortuo Galeatio Mediolanensium Principe, ac subinde paucis post annis Bonifatio vita functo Ladislaus rex formidabilis per Italiam esse coepit.* Писатели позднѣйшіе говорятъ то же самое, только болѣе рѣшительно, какъ напр. *Maffei*: «*Era Ladislao mosso a tanta iniquità, d'impresa non solo per naturale cupidità di stato, e per farsi Rè d'Italia, com'egli pregava, ma per odio proprio contra il Pontefice Giovanni (751)*»; въ мотивахъ каждый прикидываетъ къ своей партіи.—Это сужденіе о Владиславѣ сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ; см. напр. *Scibert. Gesch. des Königr. Neapel* (I, 386) и др.

правдоподобнаго (**). Республиканцы побѣдители не могли имѣть надобности въ чужой помощи, тѣмъ болѣе въ помощи своего врага. Тогда бы не было повода въ тому кровопролитію, которое, въ самый день вступленія Владислава, началось между неаполитанцами и римлянами. Солдатамъ королевскимъ не отводили квартиръ; одинъ изъ гражданъ ни за что не хотѣлъ пускать ихъ въ себѣ въ домъ. Лишь только солдаты хотѣли ворваться силою, тотчасъ же сбѣжались сосѣди съ оружіемъ въ рукахъ и смѣло бросились на нападавшихъ. Частная схватка обратилась въ общую горячую свалку между народомъ и войскомъ. Битва продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ неаполитанцы отступили и, выходя изъ города, подожгли его съ четырехъ сторонъ. Владиславъ видѣлъ, что съ малыми силами нельзя достигъ цѣли, какую онъ поставилъ себѣ, а потому велѣлъ разбитымъ остаткамъ своей арміи выступать изъ папской земли, рассчитывая съ будущаго же года съ новыми средствами начать новую кампанію. Торжествовавшіе римляне выказали себя великодушными побѣдителями. Они любезно пригласили бѣжавшаго папу вернуться въ городъ, требуя только съ его стороны признанія своего самоуправленія, которое достигло теперь въ римской общинѣ высшей точки развитія. Иннокентій VII возвратился весною (13 марта 1406 г.), а осенью уже умеръ (5 ноября 1406 г.). До самой его смерти не прекращалась борьба бароновъ и народа. Собравшійся конклавъ, не снисходя авиньонскимъ исканіямъ, избралъ Григорія XII. Ему то предстояло выдержать серьезный напоръ Владислава. На этотъ разъ (1406 г.) силы неаполитанскаго короля были гораздо значительнѣе. Папа долженъ былъ укрыться въ замкѣ св. Ангела. Владиславъ, истребивъ три тысячи непріятельской кавалеріи, вошелъ въ городъ. Это было въ то самое время, когда венеціанцы брали Падую, а флорентійцы Пизу.

Мы не можемъ сказать, какія обстоятельства заставили Владислава снова покинуть Римъ. Замѣтимъ, что про этотъ второй походъ упоминаетъ только одна, притомъ очень краткая лѣтопись. Эта же хроника прибавляетъ, что въ слѣдующій годъ (1407) Владиславъ дѣлалъ третью попытку на Римъ; опять занялъ его при помощи Колонна, но съ паденіемъ этой фа-

(**) Сравни. *Giannone* (III, 223) и *Sismondi* (VI, 412).

нили и съ торжествомъ Орсини опять долженъ былъ покинуть его (⁶⁶). Надо предполагать, что силы его были отвлечены въ другую сторону для усмиренія его собственныхъ бароновъ, которые, надѣясь на Францію, поднимали восстаніе, прикрывая знаменами анжуйцевъ свои собственные интересы. Не довольствуясь ни коронными войсками, ни занятыми капиталами, Владиславъ принималъ всѣ мѣры, чтобы усилить свои войска. Организовавъ болѣе прочно свои военныя средства, Владиславъ въ 1408 году открылъ разомъ двѣ кампаніи и противъ Рима и противъ Тосканы и въ обѣихъ былъ замѣчательно счастливъ. Впродолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, предводительствуя 18-ти тысячною арміею, онъ покорилъ нѣсколько флорентійскихъ городовъ и замковъ, но, нуждаясь въ деньгахъ, отдавалъ ихъ назадъ за хорошую сумму. Такъ, между прочимъ, онъ продалъ Кортону той же Флоренціи за 30 тысячъ флориновъ. Въ церковной области ему было тѣмъ легче вести войну, что самъ папа, строгій пуристъ и аскетъ, не интересовался политикою и мірскими дѣлами. Перуджіа, Остіа и другіе папскіе города были взяты. По однимъ 12, по другимъ 15 тысячъ кавалеріи и столько же пѣхоты, съ большими транспортами военныхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ, подступило къ стѣнамъ вѣчнаго города; 6 галерей и 4 корабля, обильно нагруженные необходимыми запасами, поддерживали армію съ моря. Съ Орсини было заключено соглашеніе. Неаполитанскія войска заняли городъ. Владиславъ былъ провозглашенъ синьоромъ Рима и, какъ законный государь, поселился въ самомъ дворцѣ папскомъ. Самъ первосвященникъ въ то время былъ занятъ церковными дѣлами, погруженный въ мысли о прекращеніи схизмы. Онъ съѣзжался, хотя не слѣхался, въ Савонѣ съ авиньонскимъ папою Бенедиктомъ (⁶⁷). Больше двухъ мѣсяцевъ, а по инымъ свѣдѣніямъ даже одного, не могъ

(⁶⁶) *Istoria napolitana* de Raimo, Fransonі etc. въ *Raccolta di varie Croniche* (I, 141).

(⁶⁷) Свиданіе въ Савонѣ уже совсѣмъ устроивалось; уже оба первосвященника, и Григорій XII и Бенедиктъ XIII, подвигались торжественнымъ шагомъ въ своемъ шествіи изъ Рима и Авиньона, но ничего нельзя было сдѣлать тамъ, гдѣ, по замѣчанію Аретина, — «однѣ, какъ морское животное, боялся пристать къ берегу, другой, какъ сухопутное, боялся отстать отъ берега» (*Aretinus*, *Coment. sui temporis*; XIX, 926).

король Владиславъ прожить въ Римѣ (**). Дѣла призывали его домой, гдѣ надо было приготовиться къ борьбѣ съ новымъ врагомъ. Постоянныя возстанія неаполитанскихъ бароновъ за права анжуйской династіи, стѣсненное финансовое и стратегическое положеніе Владислава, занятаго своими политическими проектами, настоятельныя побужденія того и другаго папы, наконецъ собственное честолюбіе и соблазнительное желаніе трона,—все это побудило забытаго Людовика II, второй разъ попытать счастья въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ. Подъ знамена Людовика явился, уже славный и знаменитый вандотъере, Аттендоло Сфорца, оставившій тѣмъ временемъ службу флорентійской республики. Этотъ котиньольскій выходецъ, сынъ поселянина, отважный, стойкій, счастливый полководецъ, составлялъ въ то время гордость и надежду всякаго государя, который только успѣвалъ переманить его на свою сторону (**). Его отборныя пѣшія и конныя дружины, закованныя въ желѣзо, начинавшія привыкать даже въ пороху, одушевленные безусловною преданностью своему строгому, но простому начальнику, приобрѣтали съ каждымъ годомъ славу героевъ, — имѣть которыхъ въ своемъ распоряженіи составляло предметъ помысловъ и исканій всякаго человѣка, какаго только въ то время одолевало честолюбіе и желаніе славы.

Война между Людовиномъ и Владиславомъ за обладаніе неаполитанскою короною открылась въ 1409 году.

Когда успѣхи Владислава, угрожая существованію флорентійской республики, сдѣлались опасными до того, что могли нарушить равновѣсіе итальянскихъ государствъ, то флорентійское правительство прежде другихъ приняло мѣры для спасенія свободы полуострова. Людовикъ анжуйскій казался сенату лучшимъ орудіемъ для борьбы съ Владиславомъ. Ему предлагаютъ снова прійхать въ Италію. Пала Алесандръ V, при всемъ своемъ миролюбивомъ характерѣ, не-

(**) Для исторіи римскихъ походовъ Владислава необходимо сравнивать *Giorn. nar.* съ *Annales de Raimo* (XXI, 1070—1072; XXIII, 224).— Въ годахъ и числахъ постоянная путаница. Такъ напр. *Giorn. nar.* вѣстіе Рима вѣсто 1408 г. относитъ къ 1406 г., чѣмъ явно противорѣчитъ папской хронологіи.—См. между прочимъ *La-Bret*; IV, 109.

(**) Объ Аттендоло см. въ нашей монографіи: *Аттендоло Сфорца и королева Иоанна II.*

любивній Владислава, обѣщался короновать претендента. Папскій кондотiere, даровитый полководецъ, Браччіо-да-Монтоне уже успѣлъ именемъ Людовика нанести нѣсколько поражений Владиславу. Искусная партизанская война вытѣснила неаполитанскія войска, разбѣянная мелкими отрядами по Романіи. Съ трудомъ удержались гарнизоны, поставленные въ главныхъ пунктахъ. Наконецъ, въ концѣ іюля 1409 г., Людовикъ, удовлетворяя надеждамъ своей партіи, съ 5 галерами и 1500 всадниковъ прибылъ въ Италію и высадился въ Пизѣ. За то Владиславъ имѣлъ полный перевѣсъ на морѣ. Папскій флотъ, послѣ жаркаго морскаго боя былъ разбитъ и почти всѣ корабли были взяты на абордажъ. Папа долженъ былъ снаряжать другую флотилію, которая опять отправилась пытать счастье въ Неаполю.

Папа далъ Людовику II анжуйскому инвеституру на королевства сицилійскія и іерусалимское а также званіе церковнаго гонфалоньера. У претендента явилось до 20 тысячъ одной кавалеріи; число пѣхоты не опредѣлено въ точности, хотя извѣстно, что оно было очень значительно и превосходило кавалерію (*fanti senza пушего*). Въ такомъ случаѣ, численность всей арміи можно принять въ 50 тысячъ человекъ. Замѣтимъ, что вся она состояла изъ наемниковъ, за исключеніемъ небольшого отряда, привезеннаго на галерахъ изъ Прованса. Подъ знаменемъ Людовика были на этотъ разъ всѣ знаменитые полководцы Италіи. Тутъ были Атендола Сфорца, Браччіо-да-Монтоне, Малатеста-да-Пезаро, Джентиле-да-Монтерано и многіе другіе. Изъ Франціи должна была еще подойти сильная флотилія для крейсирования вдоль неаполитанскихъ береговъ. Положеніе Владислава вдругъ сдѣлалось опаснымъ; его тронъ начиналъ колебаться. Опасность еще болѣе усилилась, когда флорентійское, болонское и сиевское правительства оказали рѣшительное содѣйствіе папѣ и его анжуйскому кліенту.

Соединенныя усилія этой лиги отгѣснили неаполитанскіе гарнизоны изъ всѣхъ мѣстъ церковной области. Всѣ возгоренные города снова возвратились подъ папскую власть. Паоло Орсино, отъ имени короля Владислава занимавшій Римъ, не думалъ обороняться; онъ сдался при приближеніи грознаго непріятеля. Но какъ истый наемникъ, онъ, не справляясь съ требованіями чести, принялъ предложенныя ему условія и съ своими 2000 всадниковъ поступилъ на службу

въ флорентійской республикѣ. Его оставили римскимъ комендантомъ. Только честный графъ Троя не хотѣлъ сдаваться. Тѣснымъ съ самой Тосканы непріятельской кавалеріей, онъ отступалъ вплоть до Рима; здѣсь, видя измѣну, онъ долженъ былъ пройти городъ, но у стѣнъ Авреліана остановился и вдругъ сталъ готовиться къ защитѣ переправы черезъ Тибръ, рассчитывая тѣмъ временемъ на помощь Владислава, который со всѣми своими войсками спѣшилъ изъ Неаполя (*cavalio da Napole con tutto lo esercito suo*). Непріятель, желая прервать его сообщенія, бросился ему въ тылъ. Кавалерія перешла Тибръ въ бродъ (между нѣвышними мостами *Palatino* и *Sisto*). Но атака была неудачна. Графъ Троя окопалъ себя укрѣпленіями и храбро защищался отъ враговъ, которые до тѣхъ поръ не могли считать себя обладателями города, пока не прогнали стойкаго противника. Людовикъ анжуйскій, раздосадованный неудачей, уѣхалъ изъ арміи въ Пизу, а оттуда на своихъ галерахъ отплылъ въ Провансъ. Тамъ онъ сталъ собирать новыя войска, для того чтобы продолжать кампанію съ болѣшимъ успѣхомъ. Этимъ временемъ онъ вооружилъ противъ себя Геную, которая, свергнувъ французское протекторство, открыто приняла сторону Владислава. За то его вознаградила успѣхъ со стороны Рима. Будущій папа, кардиналъ Бальтазаръ Косса, съ болонскимъ войскомъ, явился на помощь союзникамъ. Честь взятія Рима принадлежитъ главнымъ образомъ флорентійскому кондотьере Малатеста. Онъ при содѣйствіи Браччіо-да-Монтоне и Паоло Орсино частыми сильными атаками утомилъ Трою, который долженъ былъ покинуть свои укрѣпленія. Побѣдители очень скромно вели себя въ городѣ, который провозгласили свободнымъ и республиканскимъ. Поняли нѣкоторую разницу между сущностью монархіи и республики, когда знамена флорентійскія завѣяли надъ замкомъ св. Ангела (2 января 1410 г.). Браччіо, Малатеста и Орсини двинулись далѣе и начали освобождать церковные города отъ неаполитанскаго ига.

Когда Людовикъ вернулся на мѣсто военныхъ дѣйствій, то уже не засталъ въ живыхъ папу Александра V. Кардиналъ Косса, нѣкогда полководецъ, вступилъ на престолъ подъ именемъ Іоанна XXIII. Но это обстоятельство нисколько не измѣнило положенія дѣлъ. Новый папа, слѣдуя вполне видамъ и программѣ своего предшественника, менѣе чѣмъ

ктонибудь, могъ примириться съ честолюбіемъ Владислава. Борьба должна была продолжаться до полного истощенія противниковъ. На побѣду анжуйской партіи теперь можно было рассчитывать тѣмъ болѣе, что Людовикъ привезъ съ собою изъ Франціи свѣжія войска, хотя, съ другой стороны, неудача при самой высадкѣ на итальянскій берегъ могла служить для суевѣрныхъ людей дурнымъ предзнаменованіемъ. Большой флотъ Людовика на всѣхъ парусахъ летѣлъ къ пизанской гавани, гонимый попутнымъ юговосточнымъ вѣтромъ. Только шесть галеръ не могли поспѣть на ходу и оставались позади. Генуэзская эскадра уже давно слѣдила за анжуйскими кораблями. Въ проливѣ, между островомъ Менорія и материкомъ, отстала галера была застигнута пятью генуэзскими кораблями. Неизвѣстно, на чью сторону склонилась бы побѣда, если бы не подоспѣло на помощь девять кораблей Владислава. Анжуйцы были разбиты. Двѣ галеры затоплены; три взяты въ плѣнъ и только одна дошла до Піомбино. Однако претендентъ отмстилъ Владиславу за свое пораженіе. Его крейсера много содѣйствовали покоренію материка, опустошая калабрійскіе берега въ то самое время, когда сухопутныя силы Людовика устремились изъ Рима на югъ для покоренія королевства.

Мы уже говорили, что съ анжуйцами были лучшія войска и лучшіе полководцы тогдашней Италіи. Ихъ занималъ на свою долю каждый изъ членовъ лиги. Силы Владислава показываютъ различно. Одни говорятъ, что у него было 13 тысячъ кавалеріи и столько же пѣхоты; другіе же, что численность его арміи ни въ чемъ не уступала анжуйской (**). Последнее предположеніе врядъ ли вѣроятно, не смотря на то, что оно подтверждается неаполитанскими хрониками. Но если и дѣйствительно анжуйцы превосходили Владислава численностью войскъ, то у нихъ не было ни того единодушія, ни того порядка, ни той правильности, которая отличала неаполитанскую армію, руководимую одною идеею и главное одною головою. Система кондотьеризма всегда вела къ тому, что разстроивала самыя единодушныя предпріятія. Сегод-

(**) Сравни. *Bonincontrius, annales Miniatensis* (XXI, 103) и *Giorn. nap.* (XXI, 1073).—*Ammirato, dell'istorie fiorentine*, l. 18.

нишній союзникъ становился завтра врагомъ и обратно. Каждый наемникъ въ продолженіи своей походной жизни былъ слугою двадцати господъ, работалъ за самыя противоположныя начала, а отсюда слѣдовало то отсутствіе общаго руководящаго принципа, которое составляетъ характеристическую черту эпохи. Но надо прибавить ко всему этому, что у Людовика не доставало денегъ, чтобы содержать такую громадную армію. Можно было бы предсказать ранѣе, что при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и побѣда будетъ не въ побѣду. Послѣдствія совершенно оправдали такое предсказаніе. Флорентійское правительство прежде другихъ нарушило условія лиги. Занятая фипансовыми интересами своихъ богатыхъ вупцовъ, республика заключила миръ съ Владиславомъ, который возвращалъ ей всѣ покоренные замки и города (7 января 1411). Сиена послѣдовала ея примѣру. Вообще итальянскія богатыя республики не любили воевать за идеалы. Экономическое развитіе, внѣшняя безопасность были единственною цѣлью ихъ правительствъ.

Людовикъ и папа были предоставлены теперь своимъ собственнымъ силамъ. Союзники успѣли однако переманить къ себѣ Атендола Сфорцу, который до того считался на флорентійской службѣ. Онъ своими кирассирами могъ оказать большую помощь въ предстоящей кампаніи, уже открывшейся въ неаполитанскихъ владѣніяхъ. Двѣ враждебныя арміи подходили съ разныхъ сторонъ къ рѣкѣ Гарильано, которая впадаетъ въ гаетскій заливъ. Людовикъ шелъ быстрымъ маршемъ по римской дорогѣ и остановился въ городѣ Ченрано, недалеко отъ берега Гарильано, когда узналъ, что на противоположной сторонѣ рѣки, въ вмѣстечѣ Роккасека, расположены всѣ силы Владислава. Оба противника рассчитывали раньше переправиться черезъ рѣку, и никто не успѣлъ поспѣть къ берегу. Теперь и тотъ и другой остановились, готовясь къ рѣшительной битвѣ. Каждый выжидалъ, что противная сторона начнетъ дѣло. Никто не рѣшался броситься первымъ, потому что силы были равны. Между тѣмъ, каждый солдатъ былъ на готовѣ. Въ такомъ напряженномъ состояніи два короля простояли шесть дней. Наконецъ, Людовику наскучило ждать. Онъ вспомнилъ, что его кондотьеры считаются лучшими въ свѣтѣ (*migliori del mondo*). Ему совѣстно было робѣть. На седьмой день (19 мая 1411 г.) вечеромъ, кавалерія Людовика стремительно атаковала неа-

политанцевъ, не приготовившихся къ битвѣ, не ожидавшихъ такого стремительнаго натиска. Не успѣлъ Владиславъ сдѣлать должныхъ приготовленій, какъ его лагерь былъ взятъ в армію, уже разсѣянная, бѣжала по неаполитанской дорогѣ. Напрасно онъ ободрялъ войска; напрасно онъ, сопротивляясь одолевшему неприятелю, не отступалъ съ поля сраженія до самой ночи. Его войска были неопытны, сравнительно съ отважными кирассирами искусныхъ вондоцери. При всей своей личной храбрости, Владиславъ долженъ былъ бросить все и заботиться только о собственномъ спасеніи. Торжество анжуйцевъ было полное. Сфорцѣ принадлежитъ значительная доля участія въ побѣдѣ. Его кавалерія отличилась на славу. Впослѣдствіи, самъ Владиславъ говорилъ ему: — „ты больше всѣхъ своею конницею повредилъ мнѣ при Роквасекѣ“. На мѣстѣ обширнаго лагера, занимавшаго окрестныя деревни, оставались только груды труповъ, между которыми можно было узнать много родовитыхъ бароновъ неаполитанскихъ, много лучшихъ воиновъ Владислава. Король съ ничтожными остатками своей арміи отступилъ въ Санъ-Джермано. Его очень легко можно было настигнуть, захватить въ плѣнъ, окончательно истребить, если бы не жадность французовъ и наемныхъ солдатъ, которые уже давно сидѣли безъ денегъ въ ожиданіи хорошей добычи. Они, обрадовавшись легкой побѣдѣ, бросились грабить лагерь и обирать тѣла убитыхъ бароновъ, которыхъ было такъ много на этотъ разъ. Хроники перечисляютъ 12 именъ, принадлежащихъ только самымъ знаменитымъ аристократамъ, погибшимъ въ этомъ сраженіи. Можно судить какъ велика была потеря Владислава, который, казалось, лишился всѣхъ средствъ къ продолженію борьбы ⁽⁶¹⁾.

Въ день своего пораженія, вспоминалъ впослѣдствіи самъ Владиславъ, я считалъ и себя и королевство во власти неприятелей; на другой день, я могъ быть спокоенъ за себя, но королевствомъ моимъ они бы еще успѣли овладѣть, если бы захотѣли; на третій же день, всѣ плоды побѣды были

⁽⁶¹⁾ *Leodrisius Cribellus. De vita Sfortiae (Mur. XIX, 650—652). — Paolo Giovio. La vita di Sforza, trad. di L. Dominiehi. Ven. 1558 (28, 29). — Corio, 599. — Colenuccio, 242. — Справ. Antonius Petrus, Diarium Romanum (XXIV, 1025) и Giorn. nap. (XXI, 1073). — Giannone; III, 228. — La-Bret; IV, 148.*

потеряны“ (*). Эти слова прекрасно характеризуют положение дѣлъ послѣ битвы при Роккасекеѣ. Побѣдители насколько не воспользовались своимъ торжествомъ. Отчасти то была ихъ собственная вина, отчасти слѣдствіе обстоятельствъ, Людовикъ не преслѣдовалъ Владислава тотчасъ же послѣ битвы, дозволивъ несвоевременный отдыхъ своему войску. Этимъ онъ опустилъ удобный моментъ для своего торжества. На духъ войска неприятно подѣйствовало поражение, которое въ то же самое время понесли анжуйцы на морѣ. Эскадра, явившаяся къ Неаполю, была уничтожена флотомъ Владислава. Но главное зло, которое никакъ нельзя было предотвратить, и которое сильнѣе всего повредило анжуйской партіи, заключалось въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Ни Людовикъ, ни папа не могли содержать на свой счетъ столько дорогихъ кондотьери. Ни солдатамъ, ни ихъ генераламъ, почти ни разу не заплатили денегъ, какъ слѣдуетъ. Они съ понятною жадностью бросились на грабежъ. Въ тѣ войны имѣлось обыкновеніе отпускать плѣнниковъ на выкупъ, а иногда даромъ. Наемные солдаты всегда видѣли въ неприятелѣ своего брата, товарища по ремеслу. Убивать не старались; искали болѣе плѣнныхъ и всякій располагалъ своими плѣнниками по произволу. На этотъ разъ солдаты, сильно нуждавшіеся въ деньгахъ, возвращали плѣннымъ не только свободу, но даже оружіе, и коня, за какіе нибудь 8 или 10 дукатовъ. Многіе тотчасъ же воспользовались этимъ. Тѣ же, которые не имѣли рѣшительно никакихъ средствъ, давали знать въ Неаполь и король съ радостью слалъ парламентаровъ съ мѣшками денегъ и выкупилъ такимъ образомъ почти все свое войско. Къ нему повозвращались скоро почти всѣ, въ томъ же вооруженіи, на тѣхъ же коняхъ, какъ будто пораженія при Роккасекеѣ не существовало. Между тѣмъ солдаты Людовика не удовлетворялись полученнымъ выкупомъ, вознаградившимъ далеко не всѣхъ. Кондотьери отказывались идти впередъ до полученія полного жалованья. Нѣкоторые теперь же готовы были передаться Владиславу, который всѣхъ соблазнилъ своими богатствами, такъ незастѣнчиво награбленными съ изнуренной страны и съ покоренныхъ городовъ. Людовикъ напрасно призывалъ къ повинно-

(*). *L. Aretinus*; XIX, 927.

венію свою волновавшуюся армію. Онъ попробовалъ прерваться въ неаполитанскія земли съ тѣми силами, какія у него были подъ рукою. Но, не смотря на то, что до Неаполя оставалась только Гаэта да нѣсколько неважныхъ крѣпостей, онъ потерялъ всякую надежду на обладаніе короною, которою дарилъ его папа. Всѣ проходы въ неаполитанскомъ королевствѣ были заняты войсками Владислава и тщательно охранялись. Людовикъ, отбитый на всѣхъ пунктахъ, до вѣзая раздраженный неудачнымъ исходомъ предпріятія, бросилъ армію и на второй мѣсяцъ роккасекской побѣды былъ уже въ Римѣ (**). Въ Тибрѣ онъ сѣлъ на свои галеры и уѣхалъ во Францію, проклиная и неудачу и корону (авг. 1411 г.). Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ въ Провансъ, онъ внезапно скончался, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Людовика, которому суждено было бороться также несчастливо за ту же корону.

Папа Іоаннъ XXIII остался теперь одинъ противъ вооруженнаго Владислава. Его положеніе сдѣлалось опаснымъ тѣмъ болѣе, когда онъ узналъ, что его единственная надежда, Атендоло Сфорца, переходитъ на службу къ его врагу. Котиньольскій герой выставилъ папѣ причиною своего отказа нежеланіе служить вмѣстѣ съ Паоло Орсино (**). Онъ говорилъ, что недовѣряетъ Орсино (*sed ideo Roma discessi, quia non fidebam Paulo Ursino*). Дѣйствительно, у него съ Орсино была постоянная вражда. Собственно противъ папы онъ не могъ имѣть ничего. Іоаннъ XXIII очень любилъ его и подарилъ ему между прочимъ въ наслѣдственную собственность его родное село Котиньолу съ близлежащими мѣстечками и замками. Біографъ упоминаетъ про оскорбленія и обиды, которыя Орсино наносилъ Сфорцѣ. Атендоло поступилъ благородно. Онъ не принялъ денегъ, которыя предлагалъ ему Іоаннъ и, заранѣе объявивъ папѣ, что не хочетъ служить у него, послалъ вѣстниковъ къ Владиславу. Заключивши условія, онъ перешелъ къ нему съ 2400 кавалеріи и 400 пѣхоты,—это случилось ровно черезъ годъ послѣ битвы при Роккасеккѣ (19 мая 1402 г.). Тотъ же Крибелли при-

(**) *A. Petrus; Diarium Romanum; XIV, 1026.—Denina; II, 146.*

(**) *Cribellus; XIX, 653—655.—Corio, 604.—Bonincontri; XXI, 106.—Raccolta napoletana; I, 113.*

бавляет, что состояніе арміи Владислава и ея организація не произвели благоприятнаго впечатлѣнія на Сфорцу. Первымъ его совѣтомъ было приостановить походъ и расположить войска на зимнихъ квартирахъ. Тѣмъ временемъ воспользовалось флорентійское правительство, чтобы примирить Владислава съ Іоанномъ XXIII. Надо замѣтить, что король неаполитанскій продолжалъ признавать Григорія XII и это обстоятельство было главнымъ поводомъ такой продолжительной и упорной вражды. Владиславъ могъ свободно отказаться отъ своего кліента, когда онъ уже официально былъ низложенъ пизанскимъ соборомъ. Флоренція взяла на себя роль посредницы въ переговорахъ. Она услужила этимъ и Владиславу, который уже начиналъ нуждаться въ деньгахъ, и Іоанну, который, въ виду неравнобѣрнаго перевѣса противника, не могъ рассчитывать на какой бы то ни было успѣхъ. 15 іюня 1412 г. были подписаны мирныя условія между Владиславомъ и Іоанномъ. Король отказывался отъ Григорія XII, котораго предоставлялъ теперь самому себѣ. Съ своей стороны Іоаннъ XXIII между прочими условіями обязывался отказаться отъ Людовика анжуйскаго, дать Владиславу инвеституру на королевство сицилійское и заплатить 100 тысячъ флориновъ контрибуціи, сумму значительную для того времени ⁽⁶⁵⁾. Скоро Григорій получилъ приказаніе оставить неаполитанскія владѣнія. Поживши нѣсколько времени въ Венеціи и Далмаціи, онъ пріѣхалъ въ Римни и отдался сильному кондотьеру Карлу Малатеста. Такимъ быстрымъ исполненіемъ условій договора Владиславъ искусно провелъ Іоанна, который, при всей своей продолжительной практикѣ въ обманахъ, не могъ еще дойти до убѣжденія въ той теоремѣ, что политическій дѣятель долженъ для успѣха своихъ плановъ отказываться отъ чести, не имѣть ничего святаго. Іоаннъ, считая себя уже другомъ Владислава, сообщилъ ему, что не дурно было бы наказать и лишить владѣній опаснаго для нихъ обоихъ Паоло Орсино, того самого, который былъ личнымъ врагомъ Сфорцы. Владиславъ воспользовался этимъ и послалъ Атендоло брать замки папскаго кондотьеру. Потомъ и самъ пошелъ къ нему на по-

⁽⁶⁵⁾ Rayn. 1412.—*Giorn. nap.* полагаетъ 30 тысячъ контрибуціи, но это невѣроятно послѣ словъ папскаго троникара; XXI, 1075.

мощь (**). Но лишь только онъ вступилъ въ церковную область, какъ круто своротилъ съ дороги и устремился въ Римъ. При всей сбивчивости цифръ въ хроникахъ, есть основаніе предполагать, что съ обѣихъ сторонъ было по 15 тысячъ кавалеріи (**). Но у Владислава были надежныя войска и искусные предводители, смѣло бывшіе на побѣду. Впрочемъ, на этотъ разъ измѣна помогла Владиславу. На седьмой день тихо отворились ворота и неаполитанскій кондотьере Тарталліа (заика) ворвался въ городъ (8 іюня 1413 г.). Въ Римѣ опять утвердился Владиславъ (**). Это было его послѣднее и рѣшительное торжество. Теперь онъ сдѣлался положительно опасенъ для Италіи. Флорентійцы, не смотря на свой ласковый тонъ, не могли избѣгнуть войны съ государемъ, который явно выказывалъ свои политическія намѣренія. Только деньги могли еще поддержать республику. Средства Владислава въ это время истощились окончательно. Дипломы на дворянское званіе и купчія на недвижимыя имущества теперь могли пріобрѣтать и купцы, и даже, къ величайшему ужасу безгласнаго духовенства, евреи. Беззастѣнчиво, по два и по три раза, продавалъ король одни и тѣже заики и земли разнымъ лицамъ, обманывая покупателей вслѣдствіемъ образомъ и вообще извлекая самые смѣлые, самые оригинальные доходы (**). Между тѣмъ страсть къ войнѣ, какъ азартная игра, заставляла его дѣлать новыя траты, ставить новыя куши. Нанимать кондотьери сдѣлалось его удовольствіемъ, его лучшею и раззорительнѣйшею страстью. По взятіи Рима, онъ пригласилъ на свою службу еще двухъ папскихъ капитановъ, извѣстнаго Паоло Орсино и Урзо Монтероліондо (апрѣль 1414 г.). Казалось, онъ хотѣлъ имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ военные таланты Италіи. Только мизанскіе герцоги мѣшали ему перекупать ломбардскихъ наемниковъ. Владиславъ по царски награждалъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Когда у Сфорцы сгорѣли его котиньольскія по-

(**) *Cribellus*; XIX, 656.

(**) *Giorn. nar.* (1075). Надо предполагать, что извѣстіе подъ 26 марта относится скорѣе къ 1413 г., нежели къ 1414, какъ думалъ *Sismondi* (VI, 139).

(**) *Muratori*; *Annali d'Italia*; XIII, 17.

(**) *Costanzo* въ концѣ XI книги.

мѣстья, то король далъ на имя его и его сына Франческо акты на владѣніе городами и мѣстечками Трикарнео, Грассано, Краки, Кареноза, Саландра, Кальчано и нѣсколько другихъ (¹⁰). Надо замѣтить, что осторожный Владиславъ никогда не обманывался въ своемъ выборѣ. Онъ приглашалъ въ свою службу только тѣхъ кондотъери, въ которыхъ былъ хорошо увѣренъ, и на которыхъ могъ положиться. Такъ, онъ Орсино нанялъ только тогда, когда тотъ въ битвѣ при Рожка-Контрада побѣдилъ осаждавшаго его Сфорцу (¹¹).

Мы упомянули про то тяжелое впечатлѣніе, какое произвело на среднюю и сѣверную Италію взятіе Рима. Къ Владиславу явились посланники отъ Флоренціи, Лукки, Сіены, Болоньи и другихъ городовъ Тосканы и Ломбардіи, иные съ изъявленіемъ преданности, другіе съ заявленіемъ покорности. Прежде чѣмъ послы успѣли получить аудіенцію, до ихъ слуха доходили извѣстія о покореніи городовъ Романьи. Городъ Тоди былъ осажденъ Сфорцою, Витербо, Перуджіа, Сутри и другіе важные пункты уже сдались оружію Владислава, который грозился теперь уничтожить такіа республиканскія государства, какъ Сіена и Флоренція. Посланныкъ флорентійскій съ трепетомъ узналъ про это роковое намѣреніе неаполитанскаго короля. Онъ донесъ своему правительству. Изъ Флоренціи отвѣчали ему довольно яснымъ намекомъ....

Владиславъ это время жилъ въ Перуджіи. Тамъ его давно занимала любовная интрига съ дочерью одного врача. Дѣвушка долго не соглашалась на предложеніе развратнаго короля. Вдругъ она получаетъ отъ своего отца довольно лаконическое приказаніе не сопротивляться болѣе Владиславу. Отецъ прибавилъ, что она, напротивъ, должна стараться навсегда привлечь къ себѣ короля, упрочить за собою его расположеніе, а для того ей надо позаботиться о внѣшнихъ средствахъ къ властвованію надъ этой истощенной натурой. А чтобы скорѣе достигнуть этого, онъ далъ ей мазь, которою велѣлъ тщательно натираться.... Дочь повиновалась и въ точности исполнила наставленія отца.... Оказалось, что Владиславъ заразился въ сильной степени болѣзнію,

(¹⁰) *Cribellus*, 655.

(¹¹) *Collenuccio*, 214. — *Cribellus* (656) утверждаетъ, что Орсино лишь хитростью одержалъ побѣду.

которую излѣчить было не въ состояніи тогдашнее медицинское искусство. Черезъ мѣсяць, много черезъ два, онъ долженъ былъ сгнить живо, не достигши 30 лѣтъ отъ роду. Золото флорентійскаго посланника было такъ соблазнительно, что заставило перуджіанскаго врача пожертвовать и своею дочерью (71).

Въ страшныхъ мученіяхъ, на носилкахъ, былъ перенесенъ король изъ Перуджіи въ Римъ. Но у него хватило на столько воли и силы, чтобы велѣть арестовать своихъ кондотьеры, двухъ братьевъ Орсини, — Паоло и Урзо, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Казалось, что всю свою боль и раздражительность онъ хотѣлъ излить на этихъ несчастныхъ, которые ни въ чемъ не были виновны. Король зналъ, что ему не долго оставалось жить; по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ насладиться властью и мщеніемъ. Эта идея доходила въ немъ до припадковъ помѣшательства. Онъ велѣлъ приготовить двѣ галеры въ отправленію въ Неаполь. На одну сѣлъ самъ, на другую посадилъ арестантовъ, закованныхъ въ кандалы. Всю дорогу онъ боялся, чтобы какъ нибудь не скрылись или не утопились его жертвы. Вотъ что готорятъ *Giornali popolari* о послѣднихъ дняхъ Владислава (72).

„Второго августа приплыли галеры въ Неаполь. Король сидѣлъ на кормѣ, когда замѣтилъ, что Паоло пытался первымъ выскочить на берегъ. „Смотри хорошо за этимъ измѣнникомъ“, закричалъ онъ мессеру Бетто. Король перѣѣхалъ въ *Castel nuovo*, въ четвергъ, въ 4 часа по полудни. Въ пятницу было ему худо; въ субботу сдѣлалось еще хуже. Все время онъ твердилъ: „живъ ли Паоло? приведите его ко мнѣ; я хочу убить его своими руками“. Вечеромъ въ воскресенье онъ позвалъ сестру и приказалъ ей скорѣе умертвить измѣнника. Джіованна солгала, что она уже убила его;

(71) *Giannone*; III, 250.—*Muratori*. *Annali*; XIII, 22. «Non era allora conosciuto il morbo gallico, ma per attestato degli antichi medici si provarono talvolta i medesimi mali influssi dell'incontinenza, a quelli si dava il nome di veleno».

(72) *Giorn. nap.* 1076. О кончинѣ Владислава также: *Campanus*. *Vita Bracchii Perusini* (*Mur.* XIX, 501).—*Bonincontroius*, 107.—*Cribellus*, 659.—*P. Giovio*. *La vita di Sforza*; 61, 62.

этимъ отвѣтомъ она какъ будто успокоила больного. Немного спустя король испустилъ духъ; 6 августа въ 8 часовъ вечера Владислава не стало. Его похоронили ночью, въ церкви S. Giovanni a Carbonago, безъ всякаго торжества, какъ какого нибудь татарина".—Лѣтопись прибавляетъ, что такъ будто хотѣла его сестра, которая и вступила на престолъ подъ именемъ Юанны II.

Н. О.